

ЗАМѢТКИ

О НАШЕЙ СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ.

Печатаю свои «Замѣтки», я не придаю имъ значенія систематическаго труда, вполне обнимающаго какую-нибудь сторону народной жизни. Это, просто, плодъ моихъ трехлѣтнихъ наблюденій надъ жизнью свободныхъ южнорусскихъ поселянъ, козаковъ и казенныхъ крестьянъ, съ которыми я имѣлъ случай довольно близко сходиться. Факты, подмѣченные мною, конечно, могутъ и не встрѣчаться на всемъ пространствѣ края, заселеннаго южнорусскимъ народомъ; но я могу поручиться за полную достовѣрность ихъ относительно мѣста моихъ наблюденій и, въ общихъ чертахъ, относительно уѣздовъ Черниговской губерніи, лежащихъ по лѣвой сторонѣ Десны. «Замѣтки» мои имѣютъ значеніе *матеріала*, для изученія южнорусской народной жизни,—не больше. Мнѣ кажется, что безъ обнародованія подобныхъ матеріаловъ, совершенно вѣрныхъ относительно извѣстной мѣстности, полное изученіе народной жизни невозможно.

1.

Начало марта.

Начинаю свои «Замѣтки» съ марта мѣсяца, потому что, по моему мнѣнію, для насъ, селянъ, начало весны—начало новаго года. Правда, мы празднуемъ и гражданскій, officialный, новый годъ 1 января, поздравляемъ другъ-друга, говоримъ: *зъ новимъ годомъ, зъ новимъ щастемъ*, чествуемъ его нѣкоторыми стародавними обрядами; но, въ сущности, съ 1-го января для насъ не начинается ничего новаго и этотъ день не можетъ служить эрою для начала года, въ нашей сельской жизни. Въ самомъ дѣлѣ, отпраздновавши *різдвяні святкі*, мы продолжаемъ прежнія свои зимнія занятія: домолачиваемъ *хлѣбъ святій*, вывозимъ къ дому *лѣсъ* для построекъ, для топлива, для

горóжи, становимся підъ хýру, кто охочій, т. е. извозничаемъ, по примѣру нашихъ бородатыхъ сосѣдей, — словомъ, дѣлаемъ то, что начали дѣлать съ окончанія полевыхъ осеннихъ работъ и начала зимы. Что же тутъ новаго? мы только старое кончаемъ.

Другое дѣло, какъ подуетъ вѣтеръ съ юга и, съ помощью вновь ожившаго солнышка, а иногда и дождя съ туманомъ, сгонитъ снѣгъ съ полей; какъ растаютъ и разольются наши рѣчки и болота; какъ на мертвенномъ, сѣромъ фонѣ полей начнетъ пробиваться кой-гдѣ зелено-желтая травка. Это—весна уже началась, а съ нею рядъ новыхъ заботъ и нуждъ, о которыхъ мы позабыли съ окончаніемъ осени, т. е. послѣднихъ полевыхъ работъ, о которыхъ мы не думали цѣлую зиму и цѣль которыхъ снабдить насъ на весь годъ хлѣбомъ, а, при посредствѣ его, всѣмъ нужнымъ для насъ;—это для насъ, не шутя, не по-формѣ только, новый годъ начинается. Какова бы ни была зима, если у насъ есть *въ клúні и въ стýзі*, мы не пропадемъ съ голоду: хороша зима—мы *хурованнемъ* что-нибудь добавимъ къ хлѣбу святому и къ нашимъ домашнимъ недостаткамъ, коли есть охота да *худібчина* (скотъ) *добра*; худая—мы пролежимъ на печкѣ все свободное время, обойдемся и тѣмъ, что призапасено въ хозяйствѣ, и все-таки будемъ сыты. Не то дѣло весна и лѣто. Не удайся намъ огородиться, обѣораться, обѣяться, обжаться во-время, накажи насъ Богъ непогодю, холодомъ, градомъ, засухою, *мочёю*, или другимъ какимъ-нибудь *лѣхомъ*—и мы сидимъ, какъ ракъ на мели, на цѣлый годъ; самая пустая хозяйственная неудача отзовется намъ на цѣлый годъ, и только будущая весна принесетъ надежду исправить ее. Все это хорошо знаемъ мы *селяне-хлѣборóби* и считаемъ свой новый годъ не съ января, а съ марта, хоть и не поздравляемъ съ нимъ другъ-друга и не дѣлаемъ по этому поводу другъ-другу визитовъ.

Зато съ этого времени намъ начинаютъ дѣлать визиты, довольно частые и не совсѣмъ пріятные визиты, которыхъ мы не оплачиваемъ, но при которыхъ, волею неволею платимъ. Съ 1-го марта начинаютъ навѣщать насъ сборщикъ податей съ писаремъ и, прикомандировавъ къ себѣ мѣстнаго сельскаго старосту, десятикаго, а иногда, для пущей важности и соцкаго, начинаютъ *»прáвить подóуине«* за первую половину текущаго года. Невелико это *подóуине* (*), а не легко от-

(*) За годъ рублей до 3-хъ на ревизскую душу, съ поземельными и страховою преміей. Въ первой половинѣ года взыскивается 2 руб., остальные въ другой. Я говорю собственно о козакахъ, а не о казенныхъ крестьянахъ.

давать его для большей части поселянъ нашихъ! Конечно, человѣку мало-маленьки *замѣжнѣму*, имѣющему хоть немного своей земли, своихъ воловъ и коней, *отбѣтъ подѣшине* ничего не значить; у него и хлѣба отъ кормовъ останется, и овечку, или телку какую онъ, можетъ быть, продать осенью, и въ городъ могъ онъ отвезть что-нибудь на продажу, имѣя своихъ лошадокъ,—словомъ, ему только и труда, что вынуть деньги изъ *скрини* и отнести сборщику. Не то совѣзмъ—заплатить *подѣшине* человѣку бѣдному, своими и женными, а иногда и дѣтскими руками, зарабатывающему себѣ насущный. Хлѣба у него, заработаннаго за лѣто и зиму, столько, что дай Богъ, лишь бы хватило до новаго, да и то съ трудомъ; въ хозяйствѣ у него (да и то не у всякаго) свинья какая-нибудь, которой *звѣстї* никакъ нельзя, не рискуя встрѣчать всѣ будущіе великіе праздники безъ *ковбаси* и куска сала; двѣ-три овечки, на которыхъ и на ихъ будущее потомство бѣднякъ смотритъ какъ на средство—не ходить въ трескучіе морозы въ изорванной свиткѣ; телка или коровка, съ надеждою на теленка и, слѣдовательно, на будущій кормъ и единственное лакомство для *дѣтворї*. Если и была у него съ осени овечка или свинья или телка, которую можно было продать, то она уже продана и вырученные деньги пошли или на то же *подѣшине* за прошлый годъ, или на какую-нибудь *одежину*, на соль, на кварту *горїлки*, наконецъ, къ празднику.

Вѣдь и бѣдняку безземельному хочется походить на человѣка; не хочется вѣчно щеголять въ изорванной, заплатанной свиткѣ, хочется *пошановѣть* праздникомъ родича, кума, или, просто, добраго сосѣда и кускомъ мяса и чаркой водки.

Да и кто рѣшится оспаривать у него такое жалкое право, кто рѣшится укрекнуть его за то, что ему жаль *звѣстї* на подать послѣднюю *худѣбину*, жаль лишить себя куска мяса въ праздникъ, а дѣтей своихъ ложки молока.

А деньги нужны: сельскія власти налегаютъ сильно, выеѣчь грозятъ. Еще бы по сборщику ничего: сборщикъ—свой братъ *хлѣборобъ*, а не чиновникъ; человѣкъ, съ котораго онъ *прѣвѣтъ подѣшине*, ему братъ и товарищъ; быть и нужды ихъ одинаковы, хорошо знаетъ онъ причины, по которымъ иногда не можетъ заплатить бѣднякъ подушного, при всемъ своемъ желаніи,—а главное, онъ знаетъ, что черезъ годъ самъ сдѣлается простымъ хлѣборобомъ и теперешній подчиненный легко можетъ сдѣлаться его начальникомъ. Поэтому—то онъ и снисходителенъ и не кричитъ и не ругается. Другое совѣзмъ дѣло—писарь. Въ раннемъ

дѣтствѣ вырванъ онъ изъ сельской среды и пересаженъ въ школу при волостномъ правленіи. Тамъ его одѣли по формѣ, учать грамотѣ и постоянно указываютъ на прекрасную будущность: «учись, учись хорошенько» говорятъ ему: «не будешь учиться—на село воротимъ, будешь опять мужикомъ, воловъ погонять будешь, или свиней пасть, въ свиткѣ порванной и лаптяхъ будешь ходить, всякій будетъ помыкать тобою, бить тебя будетъ; а выучишься—самъ паномъ будешь—писаремъ; не тебя, а ты другихъ будешь драть за чубъ: писарь—великое дѣло!» Мальчикъ и самъ видитъ, что писарь, дѣйствительно, великое дѣло, что помыкаетъ онъ бѣдными хлѣборобами сколько душъ его угодно, что обираетъ онъ ихъ самымъ немилосерднымъ образомъ, что пользуется онъ черезъ это всѣми удобствами жизни: и одѣтъ чисто, почти *по-панськи*, и ѣсть *смѣшно*, и чаекъ попиваетъ, а ужъ о водкѣ и говорить нечего—пей сколько вынесетъ голова, да еще даромъ! И некому указать ему все безобразіе подобнаго счастья, некому объяснить, что бѣдный кусокъ хлѣба, честно зарабатываемый послѣднимъ наймитомъ, лучше удобствъ жизни, добываемыхъ не только волостнымъ писаремъ, но иногда и окружнымъ начальникомъ, на поприщѣ служенія отечеству. И вотъ, мальчикъ выучился, добился давножеланнаго мѣста писаря и смотритъ на народъ, изъ среды котораго вышелъ, какъ на что-то стоящее неизмѣримо ниже его. Не знаетъ онъ, да и знать не хочетъ, быта и нужды этого народа; онъ хлопочетъ только, чтобы народъ этотъ понималъ разстояніе, существующее между ними, чтобы чествовалъ его сниманьемъ шапки и угощеніемъ разными яствами и питіями, а самое главное, чтобы свято исполнялъ свои обязанности передъ начальствомъ. И вотъ почему, на просьбу какого-нибудь бѣдняка подождать подушного недѣльки двѣ, онъ, только-что вытянувшій около полукварты водки, съ спокойной совѣстью кричитъ: «лентяга поганый! по шинкахъ, мабуть, день и нічъ сидишь, послѣдне пропиваешь, а нема заробить на подушне!»

«Та, пожалуйте, господѣ писарь», чуть не плачетъ бѣднякъ: «де жъ ёго въ Бога заробить? Що замолотивъ, те й імó, а на другій який робóтi нiгде стать; хибá разiвъ зó три за всю зiму хто рубáть лiсу покличе, та й то на тóлоку,—а хочъ и не на тóлоку, дакъ за три рáзи—три гривенники... И солi жъ трéба...»

«Ось, якъ засиплемо тобi гарячихъ, б́удешъ ти знать сiль!» кричить писарь; «ось нехай не б́уде грóшей пiсля—завтрéго—знáтимешъ ти сiль! Иди къ бiсу!»

Уходитъ одинъ бѣднякъ, а писарь принимается за другого. И не совсѣмъ виноватъ писарь, а тѣмъ—болѣе страдательно потекающій ему сборщикъ: и надъ ними есть власть...

Поехъ бѣднякъ, разсуждаетъ, какъ-бы раздобыть эти несчастные два рубля. И хорошо еще, если два, хорошо, если ему, безземельному горемыкѣ, приходится оплачивать только свою работающую душу, если не сидятъ еще у него на шеѣ двѣ—три ревизскихъ души, или умершихъ, или лежащихъ въ люлькѣ, или бѣгающихъ по улицѣ въ однихъ сорочкахъ. А вѣдь послѣднее встрѣчается несравненно чаще, чѣмъ первое. И поневолѣ согрѣшить бѣднякъ: «Господи!» подумаетъ; «и на що я такой несчастный уродился! Онъ, Петро Помелѣнко: землі въ ёго днівъ по двадцать въ рѹку, сінокосівъ, лісівъ,—коней зъ двадцатеро—а платити за одну дѹшу. У мене хатина тільки, та горіодця шматокъ, та батьківська нівка не-знать-яка—плати за трехъ! И нащо мині Богъ дітей тихъ пославъ, або чомъ не прибравъ їх до ревизіі!» А деньги все—таки нужны,—ронуть не даетъ денегъ. Занять нужно,—иначе не вывернешься. И идетъ бѣднякъ занимать; начинается съ бѣднѣйшихъ, почти съ своего брата—безземельца; знаетъ онъ, что бѣднѣйшій больше самъ нужду терпитъ, слѣдственно и чужой нуждѣ больше будетъ сочувствовать; выпрашиваетъ два рубля, или сколько тамъ нужно, почти плача, срокомъ до *Миколи* или, тамъ до *Святої неділі*, предлагаетъ, вмѣсто процентовъ, свой трудъ на нѣсколько дней, въ самое горячее время, когда *городить* начать. И счастливъ, когда достанетъ... только рѣдко удается такое счастье: не одинъ онъ путешествуетъ по хатамъ: такихъ путешественниковъ чуть не четвертая часть села собралась, а трудомъ добытая ничтожная копѣйка трудно выпускается изъ *скрині* или кожаного *гаманця*, хоть бы и за проценты.

»А що, синку, (або чоловіче), досінавъ де грошивить?» спрашиваютъ въ семьѣ воротившагося домой бѣдняка.

— »Досінаешъ!.. такѣ теперъ и стало!»

И начинается бѣднякъ самый подробный разсказъ о своихъ страствѣхъ по хатамъ, о своихъ просьбахъ и предложеніяхъ, о поводахъ къ отказу. Грустно выслушиваетъ его семья.

»Оце, лиха годіночка! Щожъ теперъ маємъ робити?»

»А що робити? звісно, більшъ нічого, якъ до богатирівъ треба кинуться... Нічого не вдієшъ!»

»До котрого жъ ти? До Пархоменка, чи до Чубія, чи може...

»Да вже тамъ до котрѣго-нѣбудь... хибѣ не однакові чортї?

Замолкаетъ бесѣда, и каждый еще грустнѣе принимается за свое обыденное дѣло: хорошо они знаютъ, что такое *багатирѣ*.

Въ 1-й книжкѣ *Основы* 1861 г., слово *багатирѣ* переведено: *богатый, богачъ*. Переводъ этотъ не совсѣмъ вѣренъ, т. е. лучше сказать, онъ не передаетъ и не исчерпываетъ всего, что мы, селяне, привыкли соединять съ понятіемъ о богатырѣ. Богатаго человѣка мы такъ и называемъ *багѣтимъ*, иногда *зѣмѣжнимъ, хазѣйномъ на всю губу*, и т. д. *Багатирѣ* у насъ не то: это, дѣйствительно, человѣкъ богатый на все и преимущественно на наличныя деньги; но, кромѣ того, это человѣкъ, который спитъ и видитъ, какъ бы увеличить свое богатство всѣми законными и незаконными способами, который готовъ послѣднее потянуть съ бѣдняка, оставить его на всю жизнь безъ куска хлѣба, лишь бы хотъ копѣйку лишнюю положить въ свою *скриню*. Багатирѣ всегда ростовщикъ, у него всегда есть запасная копѣйка для займа ближнему; но и родному отцу не дастъ въ займы онъ и гроша безъ страшныхъ процентовъ, которые не уступятъ, а иногда, пожалуй и превзойдутъ, такъ называемые жидовскіе, безъ различныхъ обременительныхъ условій, отдающихъ займателя въ полную, почти не прекращающуюся, кабалу заемщику. Не живя въ селахъ, трудно вообразить, какимъ тяжелымъ, неотразимымъ гнетомъ лежитъ этотъ немногочисленный классъ селянъ надъ безземельными и малоземельными бѣдняками; трудно представить, какия нелѣпыя отношенія устанавливаются между первыми и послѣдними, отношенія напоминающія, а иногда могущія и перещеголять, покойную власть помѣщиковъ (конечно не по праву, а на дѣлѣ). И грустнѣе всего, что этотъ гнетъ, эта власть не возбуждаютъ общаго протеста, общаго негодованія! Напротивъ: багатыри имѣютъ огромный вѣсъ въ обществѣ, гдѣ живутъ, пользуются неотразимымъ вліяніемъ на всѣ его дѣла. Всякій, болѣе или менѣе честный человѣкъ (а такіе составляютъ огромное большинство сельскаго населенія) въ душѣ своей осудитъ багатыря, назоветъ его грѣшнымъ, безбожнымъ человѣкомъ, но всякій, понимая силу денегъ, преклонится и уступитъ ему, хоть бы и нужды никакой не было ни въ немъ, ни въ его деньгахъ.

Во время сбора подушнаго самая обильная жатва для багатыря, самая удобная пора, для вершенія его незаконныхъ дѣлишекъ. Въ это время у него *хѣта не зачиняетця*; всякому деньги нужны, всякія, значитъ, и условія предлагать можно:—поневолѣ примутъ.

Вотъ является къ нему одинъ: видъ понурый,—совѣстно бѣдняку и посмотреть прямо; знаетъ онъ, что еще на улицѣ догадались, за чѣмъ и куда онъ идетъ, знаетъ, что и въ хатѣ объ этомъ догадались. Тихо, сквозь зубы, ворчитъ онъ обычное: »добридень« и »бѣдѣте здорові з сѣгодняшнимъ днемъ«. »Спасібі«, отвѣчаетъ равнодушно багатиръ—хазяинъ и преспокойно предлагаетъ гостю сѣсть, какъ-будто и не догадывается, что гость совсѣмъ не для бесѣды пришолъ.

»Та саді Богъ все дѣбре« отвѣчаетъ гость; »ми й постѣймо«.

Молчаніе.

»Я до вѣшої милости, діду, прийшовъ...«

»Скажешъ«.

»Чи не бѣде вѣшої ласки,—грѣшми зарятуйте на подѣшне«.

И бѣднякъ низко—пренизко кланяется сидящему предъ нимъ багатиру. Тотъ морщится.

»Дѣ въ мене тії грѣші набрались?»

»Де—такі у васъ грѣшей нема,—хай вамъ Богъ спорить! Здѣлайте бѣжеську милость, зарятуйте.«

И опять нѣсколько низкихъ поклоновъ:

»А багѣто тобі?»

»Та два карбѣванці. Я бѣ вѣшій милості обѣ Миколі и отдѣвъ. Помывсь критъ у Евтушенка клѣню, такъ зароблю.«

»Не знаю, що й робить зъ тобою... Нема грѣшей такихъ зайвихъ«.

»Здѣлайте милость«! Нѣсколько поклоновъ. »Я дѣрно й несхѣчу; який тамъ процентъ положите...«

»Не знаю, ей—Бѣгу! Хибѣ отъ—якъ: дамъ я тобі два карбѣванці, а ти мині за нихъ клѣню покриєшъ старѣ, та на коморі грѣбінъ вѣложишъ, та сѣни полатаєшъ:—позносило вѣтромъ солѣму, дакъ тичѣ. Оттѣкъ, коли хѣчешъ«.

»Дежъ—такі, дѣдѣсю, такъ же дѣже обѣдно бѣде на мене. Я жѣ у Евтушенка за однѣ клѣню, ще й мѣнша дѣ вѣшої, взявъ чѣтирі карбѣванці«.

»Чѣмъ же се тобі Евтушенко грѣшей не ддасть?»

»Чѣму бѣ не давъ, якъ би булі? обѣ Миколі продасть кобилу дакъ и дасть, а тепѣрь нема«.

»То—то жѣ и те, що нема«.

»Дакъ бѣдѣте ласкаві! Я вамъ лѣчше такъ чѣго поможѣ днѣвъ три робить за процентъ—косить тамъ, чи сѣно кидать«.

»Ні, не буде такъ. Такъ, коли хочешъ, якъ я кажú, можно:— послѣдні́ отдамъ.

И долго длятся подобные переговоры. Приводитъ разные резоны бѣднякъ, кланяется чуть не до земли, упрашиваетъ, разжалобить старається. Но не урезонишь и не разжалобишь ничѣмъ черствого дѣда, тѣмъ больше, что онъ хорошо знаетъ, чѣмъ это кончится: кончится тѣмъ, что бѣднякъ, волей-неволей, приметъ все его условія, лишь бы опять не подвергнуться угрозамъ писаря, или даже осуществленію этихъ угрозъ, — чего добраго.

Такъ оно и кончается обыкновенно. Правда, иногда бѣдняка взрываетъ наглость и безсовѣстность подобныхъ предложеній и, подъ вліяніемъ минутнаго чувства, онъ уходитъ отъ багатыря. Но тѣмъ хуже ему: воротится онъ опять въ ту же хату, только кланяться и унижаться нужно будетъ еще больше, только больше кобенеться станемъ багатырь и, пожалуй, выругаетъ еще, зачѣмъ надоѣдаетъ, а не то, къ крыттю клуни еще день, или два косовицы, прибавить. А что дѣлать? Деньги нужны—и согласиться на все нужно. И выйдетъ, что багатырь сдеретъ съ бѣдняка сто на сто въ—продолженіи какихъ-нибудь двухъ недѣль, потому только, что у перваго есть запасные два рубля, а у послѣдняго—нѣтъ.—

Приходитъ другой горемыка: — съ тѣмъ та же исторія, — только на другой ладъ: »Добре, я дамъ тобі чотирі карбованці заразъ, тільки ти стань орати́ у мене на все літо, та коли тамъ покличу колісь помогти робити.« Послѣ долгаго пренія бѣднякъ, конечно, соглашается. А нанять ратаю на все лѣто стоитъ у насъ 6 р. и, сверхъ-того, хозяинъ обязанъ посѣять, въ пользу ратая, на своей землѣ, двѣ мѣрки (около 3-хъ нудовъ) жита (ржи) или овса, — что все составитъ не меньше 10 р. ср. Выраженіе же: »коли тамъ колісь робити можешъ« значить, что до конца оранки, т. е. почти до начала Октября, будешь ты дѣлать колеса въ моей повѣткѣ, во все свободное время отъ оранки и жнивовъ, и за это, пожалуй, я едѣлаю еще тебѣ милость: позволю тебѣ, безъ уговора, выорать моими волами твою нивку или огородъ. И такъ, образомъ, бѣдняку придется заплатить за заемъ болѣе ста процентовъ, хоть и не въ такой короткій срокъ, но здѣсь, какъ рассказано выше, грозитъ ему еще кое-что худшее, нежели плата большихъ процентовъ. Крити́къ покрылъ крышу, рассчитался съ долгомъ, да и свободенъ на все лѣто. Можетъ быть еще гдѣ-нибудь ему придется найти работу до жнивовъ, а не то — колесо

сдѣлаеть, повозчонку какую—нибудь—и раздобудеть копейку и на соль, и на осеннія подати. Не то ратаю: онъ закабалить себя почти на всю весну, лѣто и часть осени; кромѣ жнивья, ему, для себя собственно, нѣтъ и двухъ недѣль свободнаго времени. А тамъ—осень придетъ, а съ нею и требованіе податей, а взять опять негдѣ. И опять, волей-неволей нужно *лізти въ вічі багатиру*, а тотъ, ужъ конечно, не упуститъ случая не только поставить его орать на будущую весну, но поставить еще и молотить на самыхъ выгодныхъ для себя условіяхъ. И выйдетъ, что за восемь, много—десять рублей, бѣднякъ закабалить себя почти на весь годъ въ работу, безъ твердой надежды освободиться отъ этой кабалы и на будущій годъ. Въ самомъ дѣлѣ, только какойнибудь счастливый случай, или продажа послѣдней нивки, или огорода могутъ освободить бѣдняка отъ этой добровольно накинутаго на себя барщины.

Но тяжелѣе всего приходится тѣмъ бѣднякамъ, которые не могутъ предложить въ уплату процентовъ свой потовой трудъ, потому что багатиръ этого не хочетъ. Такіе поневолѣ должны занимать деньги подъ закладъ земли. А заемъ этотъ производится обыкновенно на такихъ условіяхъ: за десятину пахатнаго поля, или за сѣнокосъ косаря въ четыре, багатиръ никакъ не даетъ больше пяти руб. ср., да и то еще если земля хорошая, и до уплаты денегъ пользуется правомъ пахать землю и косить сѣнокосъ въ свою пользу. Десятина средственной земли даетъ ржи копей 7 или копей 10, овса. Отдавая эту землю пахать съ копы, можно получить безъ всякаго труда двѣ копы ржи, или $2\frac{1}{2}$ копы овса. Копы ржи не купишь у насъ менѣе 1 р. 75 к., копы овса менѣе 80 к.; всего, значить, за два года не менѣе 5 р. 50 к. Присчитавшіи третій годъ, когда земля лежитъ подъ паромъ, найдемъ средній годовой доходъ съ десятины: 1 р. 83 к. Здѣсь я бралъ самый посредственный урожай и самую посредственную цѣну. Но и этотъ посредственный годовой доходъ составитъ болѣе 36 процентовъ съ 5 рублей. Возьмемъ теперь сѣнокосъ: четыре косаря накосятъ не менѣе 20 копень сѣна. Отдавая такой сѣнокосъ, по принятому у насъ обыкновенію, косить съ половины, получимъ 10 копень безъ всякаго труда; цѣна копны не менѣе 25 к.,—и того—2 р. 50 к. годового дохода, т. е. 50 процентовъ съ 5 рублей. Не въ этомъ, однакожъ, главная тяжесть займовъ подобнаго рода: Дѣло въ томъ, что заложенную землю весьма трудно воротить назадъ. Заложивши землю, бѣднякъ лишается того хлѣба, который получалъ об-

рабатывая ее и который шилъ на прокормленіе семьи, или на выручку копѣйки, нужной въ хозяйствѣ. Слѣдовательно, для недостающаго надо заработать, да къ тому же еще надобно заработать и занятыя деньги и деньги на *подушине* къ осени. А коли, у насъ, на мѣстѣ, трудно на одно *подушине* заработать, то, конечно, почти невозможно заработать количество втрое большее. А между тѣмъ, багатырь употребляетъ всѣ зависящія отъ него средства, все свое вліяніе, чтобы заставить бѣдняка уступить ему заложенную замлю *въ вѣчность*, потому что на землю и у насъ стало довольно скупое, и у насъ она значительно цѣнится. Конечно, багатырь настоящей цѣны не даетъ, онъ сдѣлаетъ только весьма незначительную прибавку къ занятой у него суммѣ: но все-таки, въ большей части случаевъ, желаніе его исполняется. Заработать сумму, нужную для выкупа земли, какъ мы видѣли, трудно, почти невозможно; продать землю въ другія руки, за настоящую цѣну, или занять денегъ для выкупа, на условіяхъ менѣе тяжкихъ, тоже невозможно, потому что на это никто въ своемъ селѣ не согласится, какъ бы ни нужна была ему земля, какъ бы ни было сильно у него желаніе помочь ближнему. Не согласится потому, что это значитъ—*отбивать хлѣбъ у багатиры* и, слѣдовательно, сдѣлать его смертельнымъ врагомъ себѣ, а на это трудно рѣшиться, зная, какъ велико значеніе и вліяніе его на всѣ сельскія дѣла. Дѣлать же какія нибудь сдѣлки на-сторонѣ, въ другомъ селѣ, мы, селяне, особенно бѣднѣйшіе изъ насъ, рѣшительно не привыкли.

Вотъ слабый очеркъ того, чрезъ какія мытарства приходится пройти, при отдачѣ подушнаго, человѣку безземельному и вообще немѣющему своего хозяйства, а добывающаго себѣ и семьѣ насущный хлѣбъ собственными руками (*). Гораздо уже легче тѣмъ, которые хоть коровокъ пару запрягаютъ, хоть одну шкапу имѣютъ. Такой дровъ гдѣ-нибудь нарубить коли своихъ нѣтъ, и свезетъ въ городъ, остатки хлѣба повезетъ на базаръ, однимъ словомъ вывернется какъ нибудь собственными средствами. Но и этимъ приходится пострадать немножко. Вообще мы народъ безпечный, не-слишкомъ предусмотрительный.

(*) Я говорилъ здѣсь о бѣднякахъ, зарабатывающихъ себѣ насущный хлѣбъ постоянно на мѣстѣ, въ своемъ селѣ. Но есть еще другіе, которые отправляются, на лѣтніе мѣсяцы, на заработки въ южныя губерніи, болѣе нашей хлѣбородныя и меньше населенныя и которыхъ у насъ называютъ «донцями», хоть на Донъ они почти никогда не заходятъ. Участь ихъ гораздо тяжелѣе. Я поговорю объ нихъ подробнѣе въ одной изъ слѣдующихъ статей.

Что бы намъ продать то, что приходится продать на подушне, мѣсяца два раньше, когда и дорога лучше и цѣны выше? Нѣтъ, мы ожидаемъ покуда сборщикъ съ писаремъ визитъ намъ сдѣлаетъ, и тогда уже *притѣмось* на базаръ. И скопится насъ тамъ много, много, *предложеніе перевѣситъ запросъ*, какъ выражаются политико-экономы, и мука и дрова продадутся десято процентами ниже. Мѣстные жиды очень хорошо знаютъ это обстоятельство и всѣ свои закупки стараются дѣлать въ то время, когда *музиківъ нацнутъ за подушнектѣи*.

Но все имѣть свой конецъ. Какими бы то ни было путями, а мы добыли себѣ денегъ на подушне и заплатили ихъ; багатиріі приобрѣли, для безвозмездной обработки, нѣсколько лишнихъ нивъ, огородовъ и сѣнокосовъ, и поставили себѣ почти даровыхъ работниковъ; писаря получили *по сороківці одъ книжки* (*), истребили множество даровой чехони и водки и отправились въ свои волостныя правленія; сборщики, старосты и соцыкіе обратились къ своимъ обычнымъ занятіямъ, приниматься за которыя имъ крайне не хочется, послѣ дароваго пьянства, въ продолженіи почти мѣсяца. Потолкуемъ мы еще съ недѣлю объ этомъ времени, собравшись въ праздникъ на улицѣ, перескажемъ другъ другу, гдѣ, кто и какъ досталъ себѣ денегъ, вспомнаемъ: *кому накрутивъ млинка писарь, кому лясасівъ надававъ, а когдѣ—и ломіакою*; вспомнимъ также, какъ этотъ самый грозный писарь, перебравши черезъ край, танцевалъ *навпрісядки* съ пьяною Грицихою, по-колѣна въ грязи, на улицѣ; поговоримъ обо всемъ этомъ, да и забудемъ до осени.

Да и пора забыть: наступаетъ время, когда намъ нужно заявлять на дѣлѣ наступленіе нашего новаго года, т. е. приняться за тѣ заботы и труды, которые онъ приноситъ съ собою.

Иванъ Конискій.

Сельце Переходовка,
Нѣжинскаго уѣзда. 1862 г.

(*) За записку въ податвыя книжки подушнаго, писаря установили, въ нашей мѣстности, сборъ въ свою пользу, по 10 коп. ср. отъ книжки.

ВОСПОМИНАНИЕ О НОВОМОСКОВСКѢ.

(Изъ дорожныхъ записокъ 1861 года.)

Новомосковскъ—уѣздный городъ Екатеринославской губерніи; рѣка Самарь, на которой стоитъ онъ, долго составляла южную границу Украины, а послѣ соединенія ея съ Россіей, при Богданѣ Хмельницкомъ, и южная граница всего Русскаго государства раздвинулась отъ Бѣлгородской черты также и до Самари и верховьевъ Калміуса. За Самарью были, и еще не дальше ста лѣтъ назадъ, *дикія* степи. Красота мѣстности, по которой протекаетъ Самарь, и богатства ея, замѣчены еще Бопланомъ въ XVII вѣкѣ; онъ говоритъ, что теченіе Самари тихое по—причинѣ извилистыхъ береговъ; что она обильна рыбой; что онъ видѣлъ весной даже сельдей и осетровъ, которые ловились въ ней; что окрестности Самари богаты медомъ, воскомъ, дичиной и строевымъ лѣсомъ, который употреблялся тогда на постройки во всѣхъ окрестностяхъ, въ томъ числѣ и на постройку койдакской крѣпости, и что козакки называли Самарь *святою* рѣкою. Хотя, въ настоящее время, ни осетровъ, ни сельдей въ Самари уже не водится, но она и нынче еще прекрасна, богата рыбой и лѣсомъ; при ней же были селитряные заводы, разоренные въ 1703 г. взбунтовавшимися Зопорожцами. Самарь изъ числа тѣхъ поэтическихъ рѣкъ, которыя, въ украинскихъ думахъ, называются: *річки нізові—помошниці Дніпрові*. И, Боже! какихъ кровавыхъ событій не видѣли ея берега, ея окрестности. Здѣсь—недалеко, (у днѣпровскихъ пороговъ) Печенѣги убили Святослава; здѣсь—въ XI столѣтіи—Мстиславъ Изяславичъ, съ Чорными Клобуками, разбилъ Степняковъ—Половцовъ (Кумановъ) и множество душъ христіанскихъ, захваченныхъ ими, избавилъ отъ неволи. Здѣсь не одинъ разъ злой Татаринъ тащилъ нанизанными на шестъ, продѣтомъ сквозь связанныя руки, несчастныхъ русскихъ плѣнниковъ, и они слезами и кровью обливали послѣднюю грань родной земли. Сюда же, черезъ дикія, безводныя, степи, какъ къ обѣтованной землѣ, стремились тѣ ю.—русскіе смѣльчаки, которымъ иногда удавалось убѣжать изъ

турецкаго плѣна, отъ ручнаго помолу пшеницы въ Азовѣ, отъ службы на турецкихъ каторгахъ и отъ другихъ жестокихъ работъ.

Въ одной украинской думѣ, про смерть трѣхъ братьевъ, упоминаются: поля Самарскія, рѣчка Самарка, Крыничка Салталка; въ другой, о бѣгствѣ 3-хъ братьевъ изъ Азова, говорится также о рѣчкѣ Самаркѣ и о высшихъ стѣняхъ Самарскихъ, гдѣ одинъ изъ братьевъ, пѣшій, на девятый день бѣгства, безъ воды, безъ хлѣба, погибаетъ у Савуръ-Могилы, а два конные легли выше рѣки Самари. Есаулъ Федоръ Безродный, умирая, проситъ своего джуру тоже сходить къ рѣчкѣ Самаркѣ, взять воды, согрѣть и промыть его раны смертельныя. Еще въ одной пѣсни—отецъ спрашиваетъ: «гдѣ твоя, сынъ, доля? А чи въ Сулі, чи въ Самарі, чи въ тихімъ Дунаї?»...

Самаръ служила камнемъ преткновенія любимцу царевны Софіи, князю Голицыну, въ оба похода его въ Крымъ. Въ первый походъ, въ 1687 году, когда съ нимъ участвовалъ и Малороссійскій Гетманъ Самойловичъ, Крымскій Ханъ неожиданно зажегъ сухой ковыль и камыши въ обширныхъ стѣняхъ, начинавшихся за Самарью, и заставилъ его вернуться назадъ, съ урономъ въ лошадяхъ, отъ недостатка подожнаго корму. Слѣдствіемъ этого было паденіе Самойловича, на котораго Голицынъ сложилъ всю вину неудачи и возвышеніе Мазепы, получившаго гетьманство за усердную помощь Голицыну—въ клеветѣ на Самойловича. Тогда же, на основаніи договора, подписаннаго Мазепой, при вступленіи въ санъ Гетмана, начата постройкой Неплюевымъ, при устьѣ Самари, на лѣвомъ ея берегу, Богородицкая крѣпость, которая, несмотря на увѣреніе русскаго правительства, что она служить для защиты отъ Крымцевъ, очень встревожила Запорожцевъ, такъ—что Кошевой ихъ, Иванъ Гусакъ, высказалъ за это Мазепѣ сильное негодованіе, а тотъ, въ свою очередь, сдѣлалъ ему строгій выговоръ и грозилъ вслѣдъ—за—тѣмъ послать противъ него войско, но остановился, по случаю свирѣпствовавшего въ то время, въ Запорожской Сѣчи, мороваго повѣтрія. Во второй походъ, въ 1689 году, Голицынъ дошелъ до Перекопа, гдѣ Крымскій Ханъ Селимъ обманулъ его переговорами о мирѣ, а между тѣмъ русское войско, лишенное въ безплодной и безводной странѣ средствъ къ существованію, пришло въ изнеможеніе, послѣ чего Голицынъ принужденъ былъ вторично возвратиться безъ успѣха, преслѣдуемый Татарами до самой Самари.

Когда Хмельницкій началъ войну съ Польшею, къ нему, съ береговъ Самари, шли дикіе лугари или лѣсные гайдамаки.

Вообще, Гайдаки, существовавшие до конца прошлаго столѣтія, переселялись по большей части за Самарь, гдѣ, по Самарско-Волчьимъ водамъ, были товщи—т. е. запорожскіе зимовники.

Въ Новомосковскѣ, который, до времени, какъ сдѣлали его уѣзднымъ городомъ, т. е. до 1794 г., назывался Самарью, Новоселищемъ и слободкой Новоселовкой,—существовала Самарская Паланка до самаго разоренія, въ 1775 г., Запорожской Сѣчи.

Въ настоящую пору, Новомосковскъ, съ селеніями Вороновкой и Жовотилловкой, имѣть до 10 т. слишкомъ жителей; въ немъ есть заводы: салотопенные, мыловаренные, кожевенные, кирпичные, три ярмарки: Средопостная, Троицкая и Спасовская. Троицкая ярмарка, учрежденная въ 1860 г., вмѣсто Воздвиженской (14 сентября), почти не существовавшей на дѣлѣ,—открыта въ 1861 году; въ первый разъ на нее явилось три воза, кажется, съ мукой, и больше ничего.

Какъ видно, нелегкое дѣло—назначить время, удобное для ярмарки!

На остальныхъ двухъ ярмаркахъ преимущественно сбывается рогатый скотъ, лошади, кожи, разные жизненные припасы, рыба тарань и проч.; на Спасовской, между прочимъ,—горы арбузовъ, чудовищныхъ величинъ и превосходнаго качества, пирамиды янтарнаго сотоваго меду. Но это богатство имѣть и свою невыгоду: когда ярмарка эта кончается, мухи, лишенные продовольствія, съ ожесточеніемъ налетаютъ міриадами на городъ.

Народонаселеніе Новомосковска, за исключеніемъ малой доли Евреевъ, состоитъ изъ Малороссіянъ; они преимущественно занимаются дубленіемъ кожъ, боемъ, покупкой и продажей скота, мелкимъ торгомъ по ближайшимъ ярмаркамъ, шитьемъ простыхъ сапоговъ и проч., а Евреи (которые существуютъ въ Новороссійскомъ краѣ съ 1806 г.) ремеслами, а нѣкоторые—коммисіонерствомъ по продажѣ пшеницы, что исполняется обыкновенно такъ: Еврей даетъ производителю задатокъ, беретъ пробу, покажетъ ее покупателю, получаетъ отъ него задатокъ и везетъ товаръ, передавая его съ рукъ на руки.

Новомосковскъ стоитъ на большомъ трактѣ изъ сѣверныхъ и малороссійскихъ губерній, въ Одессу, Бердянскъ, Крымъ, на Донъ и къ Азовскому морю. Черезъ него каждую весну проходитъ и проѣзжаетъ тысячъ до 100 рабочихъ и вожчиковъ всякаго рода, преимущественно косарей и чумаковъ:—одни ищутъ работъ, другіе ѣдутъ за крымскою солью, за донскою рыбой и до моря; не то—нанимаются

для перевозки пшеницы въ Бердянскъ, Таганрогъ, шерсти по ярмаркамъ и т. п.

Само-собою, такое движеніе много поддерживаетъ городъ, потому что проходящіе и проѣзжающіе покупаютъ съѣстные припасы, деготь, становятся на ночлегъ, хотя большая часть этихъ людей, благодаря теплomu краю, имѣютъ ночлеги за городомъ. Въ прошломъ году, во время моихъ прогулокъ, я однажды набрелъ вечеромъ на цѣлый таборъ такихъ проѣзжихъ за кладбищемъ... Телеги и возы разставлены были въ немъ вродѣ стариннаго гуляй-города укрѣпленіемъ; лошади и волы пущены были на подножный кормъ; кругомъ этого подвижнаго четвероугольника бѣгали и лаяли собаки; по срединѣ разведенъ былъ огонь, гдѣ, на треугольномъ таганѣ, въ котлѣ, варился ужинъ; у огня двигались, отражаясь на красномъ пламени, черныя фигуры мужчинъ и женщинъ; по временамъ раздавался дѣтскій крикъ. Картина была очень живописная.

— Что это за люди? спросилъ я старика.

— Переселенцы на вольные *стенá*, подь Орѣховъ...

Я не былъ въ Новомосковскѣ лѣтъ 16; въ теченіе этого времени городъ выдержалъ большой пожаръ, нѣсколько наводненій, скотской падежъ и, по содѣйствію, войну 1853—1856 г., и не смотря на то, сдѣлался гораздо лучше: соединился съ Вороновкой, и довольно хорошо обстроился. Общественныя бѣдствія неразъ служили къ выгодѣ нѣкоторымъ изъ его жителей. Такъ, въ тридцатыхъ годахъ, одинъ мелкій торговецъ сдѣлался въ немъ значительнымъ капиталистомъ, продавая во время голода хлѣбъ по чудовищнымъ цѣнамъ. Теперь случилось то же: самарскіе *шведы* (*шевці*, сапожники) и *кушнирі*, (занимающіеся выдѣлкою шкуръ), пользуясь падежемъ скота въ окрестностяхъ, скупили за безцѣнокъ множество кожъ и составили себѣ изрядные капиталы, — поставляя этотъ товаръ, во время войны, въ армію. Война, кромѣ того, принесла неисчерпаемые золотые источники питейному откупщику, содержателю почтовыхъ станцій и разнаго рода мѣстнымъ промышленникамъ по маркитантской части. Многіе изъ нихъ, понабивъ кису, стали строиться. Ихъ постройки бросались въ глаза, и зависть, неразлучная спутница всякаго успѣха, распустила про нихъ самыя нелѣпыя сказки. Объ одномъ говорили, что онъ разбогатѣлъ оттого, что покупалъ въ Нахичеванѣ, или Маріуполѣ, фальшивые кредитные билеты по 10 рублей за тысячу и сбывалъ ихъ потомъ въ разныхъ мѣстахъ по настоящей цѣнѣ; о другомъ, что у него во время крым-

ской войны остановился комиссіонеръ, везшій въ чемоданѣ 18 т. червонцевъ; что хозяинъ эти червонцы стянулъ у комиссіонера, но что комиссіонеръ оставилъ это дѣло втайнѣ, не смѣя жаловаться, такъ-какъ воръ у вора дубинку убралъ, т. е. что комиссіонеръ самъ утащилъ эти деньги изъ казны, и проч. т. п.

Во время моего отсутствія, Новомосковскъ, кромѣ построекъ сдѣлалъ успѣхи и по другимъ частямъ: напримѣръ, въ немъ явилось нѣсколько фортепианъ, чего прежде не было; учреждена больница, выстроено гимнастическое заведеніе для солдатъ, расположенныхъ въ городѣ и окрестностяхъ; открылось еврейское училище 1-го разряда. Евреи и Еврейки приняли общій европейскій костюмъ; я видѣлъ нѣсколькихъ очень миленькихъ евреекъ въ шляпкахъ и чепцахъ; завелось 5-ть или 6-ть такъ-называемыхъ, по мѣстному выраженію, *земляныхъ мельницъ* для крупчатки, приводимыхъ въ дѣйствіе силою лошади; прибавилось много кузницъ; кладбище украсилось прекрасными тополями; прошла планировка по городу: нѣкоторыя улицы закрыты, другія проложены вновь, но въ заднихъ концахъ города она такъ перепутала все, что я нѣсколько разъ блуждалъ въ нихъ какъ въ лабиринтѣ; пезезли допотопныя дрожки на столбикахъ и съ кожаными мѣшками, явились пролетки и коляски; общественная безопасность ограждается новымъ каменнымъ острогомъ... а пословица все-таки права: *хороша тюрьма—да чортъ ли въ ней!*

Время, могучее время! Даже Самарь видоизмѣнилась: островокъ близъ Лукьяноваго перевозу исчезъ; даже уѣздное училище въ это время поворотилось лицомъ въ другую сторону. (Это значить, что почетный смотритель Алексѣевъ построилъ, на мѣстѣ стараго, новое, обративъ его фасомъ на другую улицу.

Народъ въ Новомосковскѣ очень добрый и привѣтливый.

Нарядъ самарскаго мѣщанина: длинный нанковый халатъ, суконный картузъ, или шапка изъ мерлушекъ цилиндрической формы, и шаравары, упрятанные въ длинныя голенища смазныхъ сапоговъ.

Праздничный нарядъ мѣщанки: монисто (гранаты, кораллы, иногда янтари), ситцевая кофта, *сподниця* (юбка), матерчатый платокъ на головѣ, повязанный *уточкой*; синія *пончохи* (чулки съ розовыми стрѣлками) и *черевіки* (башмаки), иногда краснаго сафьяна.

Въ Новомосковскѣ прежде существовало конокрадство, да не прошло и теперь; но значительнаго воровства нѣтъ.

Живутъ въ Новомосковскѣ весело; приглашаютъ не на обѣдъ, а

на водку: »а ну те, Самáрці, потянемъ по чáрці!« это что-то въ родѣ закуски съ мѣстными пирожками, разными соленьями, сухояденьями и достаточнымъ возліяніемъ; вечеркомъ, чаи и пуншъ—по большей части съ простой водкой. Это увеселеніе сопровождается иногда слѣдующей пѣсней:

Ой хто пѣе—той крѣвитця!
 Хтожъ не пѣе—той дѣвитця!
 А ми будемъ пѣти,
 Та Бóга моли́ти
 И за ва́сь, и за на́сь,
 И за на́шу не́ньку—
 За не́ньку старе́ньку,
 Шо вѣвчила пѣти
 Горілочку измале́ньку!

Разумѣется, я говорю о большинствѣ населенія; есть господа и въ Новомосковскѣ, что зададутъ пиръ не хуже иного столичнаго. По вечерамъ звучитъ иногда фортепіано и, навѣрное, всегда услышите вдали хоровыя пѣсни и говоръ самый оживленный, самый неутомимый—лягушекъ, которыхъ здѣсь миллионы въ рѣкѣ и окружающихъ болотахъ.

Свадьба у простого народа сопровождается скрипкой, бубнами и цимбалами, и играется иногда цѣлую недѣлю, переходя изъ одного дома участвующихъ въ другой съ прискокомъ *журавля*, *метелиці*, и *горлиці*.

Несмотря на то, что подъ бокомъ лѣсъ, принадлежащій, впрочемъ, монастырю и казнѣ, а не городу, топливо въ Новомосковскѣ очень дорого, какъ вообще оно дорого во всемъ южномъ краѣ, который, по безлѣсью, по-необходимости строить хаты—*мáзанки*, замѣняя бревна кирпичомъ и глиной, а дрова—соломой, бурьяномъ (дикими травами) и *кизякомъ*, приготовленнымъ изъ скотскаго навоза. По недостатку топлива, въ Н.-м.-скѣ нерѣдко случается кража досокъ съ заборовъ и перекладинъ съ кладбищенскихъ крестовъ.

Краса Новомосковска—чудный вѣковой дубовый лѣсъ, находящійся на лѣвомъ берегу Самари, на восточной сторонѣ города. Онъ тѣмъ больше дорогъ, что кругомъ безлѣсье. Есть дубы по нѣскольکو сотъ лѣтъ. Самая рѣка дѣлается отъ сосѣдства лѣса еще прекраснѣе. Стоить часовъ въ пять по полудни, въ ясный день, лѣтомъ, посмотреть на нее у монастырскаго перевоза,—тамъ, гдѣ она дѣлится на

двѣ рѣки, когда она отъ дубоваго лѣсу, отъ прибрежной лозы, отъ камышей, глядящихся въ нее, освѣщенная косвенными лучами солнца, принимаетъ золотисто-изумрудный, прозрачный цвѣтъ: что это за прелесть! На рѣкѣ иногда обозначается тѣнь, издали принимающая очертаніе человѣческаго тѣла: вотъ и самарская русалка или *мавка*, какъ ее здѣсь называютъ. Дѣйствительно, для русалокъ здѣсь очень удобное мѣсто. На Самари же, поближе къ парому, есть и другое поэтическое мѣсто—это такъ называемое *чернѣе пѣкло*. Давно когда-то—нѣсколько монаховъ переправлялись черезъ рѣку въ лодкѣ... набѣжалъ вихрь, лодка опрокинулась и они все пошли ко дну. Послѣ того, народъ назвалъ это мѣсто, на своемъ поэтическомъ языкѣ, *чернѣимъ пѣкломъ*.

Грозы въ Новомосковскѣ—поразительной прелести. Въ двухъ мѣстахъ евангелія говорится: «какъ молнія исходитъ отъ востока и видна бываетъ до запада, такъ будетъ пришествіе Сына человѣческаго. (Матѣ., XXIV, 27)». «Я видѣлъ сатану, спадшаго съ неба, какъ молнію. (Лук., X, 18)».

Все значеніе этихъ картинныхъ выраженій можно понять только въ стѣнныхъ мѣстахъ, гдѣ небосводъ широкъ, и гдѣ гроза видна на весьма далекое пространство.

Красотѣ Новомосковскихъ грозъ много также способствуетъ темнота здѣшнихъ ночей: молнія, на бѣломъ нингерманландскомъ небѣ, какъ ракета, пущенная днемъ, не производитъ полного очарованія.

Небо въ Новомосковскѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ такъ темно, какъ въ Петербургѣ только въ августѣ. Попытаюсь описать грозу 18 іюня 1861 года.

Надо мною благодатное
Небо родины моей;
Пью дыханье ароматное
Бальзамическихъ полей!....

На горизонтѣ, въ сторонѣ къ кладбищу, молнія. Сверкнетъ—и вдругъ затѣмъ все погрузится въ тьму; снова сверкнетъ—и откроется свѣтлая полоса, и разомъ предстанутъ въ ней черныя деревья, черныя дома,—какой-то особый черный міръ... Грома не слышно. Это гроза вдали, а вотъ другая, поближе: она захватила собой полнеба, и освѣщаетъ, сопровождаемая по-временамъ раскатами грома, бѣлыя хаты, бѣлый домъ уѣзднаго училища, который одиноко вырѣзывается во мракѣ на площади, церковъ и другія постройки. Иногда эта молнія, сверкнувъ,

какъ—будто скинетъ съ неба покровъ ночи—и вдругъ появятся, въ глубинѣ, въ золотистомъ потоцѣ, темныя тучи, то разорванныя въ клочья, то въ видѣ какихъ—то столбчатыхъ громадныхъ зданій, а издали рвется на васъ вѣтеръ, сильный—но теплый, какъ изъ потопленной печи, шумять деревья и долетаетъ отрывками разгульная пѣсня.

Но гроза близится, и вотъ она—надъ самимъ Новомосковскомъ.

Замигало небо молніями, точно крыльями жаръ—птицы; прокатился надъ вами громъ, будто тысяченудовое артиллерійское орудіе по желѣзному мосту, ежеминутно угрожая раздавить его своей тяжестью. Надвинулась на городъ черная туча, и какъ огнедышущая гора, начала извергать изъ себя кровавое пламя.

Вдругъ съ трескомъ раскололся сводъ небесный, блеснула молнія какъ раскаленная цѣпь;—въ другой разъ—какъ вырванное съ корнемъ и опрокинутое огненное дерево съ обнаженными вѣтвями; въ третій разъ—въ видѣ пламенной змѣи съ рубиновой головой, которая, быстрѣй мгновенья, кинулась къ землѣ... Затѣмъ, гдѣ—то въ сторонѣ страшный ударъ.

Мнѣ не пришлось, въ этотъ разъ, видѣть такъ—называемой *городъ-бѣиной ночи*, когда небо рокочетъ безъ—умолку, до самаго разсвѣта, когда бываетъ въ одно и то же время, въ разныхъ концахъ, нѣсколько громовъ и молній: небо раскроется и молнія загорится огненнымъ занавѣсомъ; въ ней засверкаютъ новыя, скрещиваясь иногда изломанными своими извивами, будто клинки шпагъ, а воробьи въ испугѣ кричатъ и мечутся, то изъ—подъ соломенныхъ крышъ, то подъ крыши. Обыкновенно, послѣ такой ночи, находятъ ихъ множество мертвыми; отъ этого, говорятъ, такая ночь и называется *воробьиною*. По народному повѣрью, эта ночь должна быть въ субботу, наканунѣ Троицына дня, но бываетъ и раньше, и позже, и далеко не каждый годъ.

Новомосковскъ находится подъ 48° 38' сѣверной широты и подъ 32° 56' восточной долготы, слѣдов., пользуется богатой южной природой. Зной, въ іюнѣ мѣсяцѣ, въ нѣкоторые дни былъ такъ великъ, что съ 12 до 4 часовъ послѣ обѣда почти никто не выходилъ на улицу,—все пряталось въ домахъ; даже окна нѣкоторыхъ присутственныхъ мѣстъ, напримѣръ Ратуши, въ эти часы закрываются ставнями, какъ будто и судебныя дѣла, по случаю несноснаго жара, ложатся спать. Небо въ такіе дни было ясно; обыкновенно, когда оно дѣлалось густаго синяго цвѣта, когда на немъ появлялись летучія маленькія облачка, называемыя *барашками*, а на горизонтѣ сто-

ли желто-мѣдныя тучи, грозозлившіяся одна на другой и плававшія въ какомъ-то безцвѣтномъ сухомъ туманѣ, который придавалъ всему фарфоровый матовый блескъ, это непремѣнно предвѣщало грозу.

По вечерамъ, жужжа, летали огромные, рогатые жуки.

Въ лѣсу здѣсь множество зеленыхъ ящерицъ. Я видѣлъ одного такого маленькаго крокодила, который несъ во рту живаго мотылька.

Забравшись разъ въ густоту лѣса, наполненнаго озерами и болотами, образующимися большею частью при весеннемъ разливѣ Самари, я увидѣлъ здѣсь лазурную рѣку, которая вся поросла широкими листьями *латаття* (лопушника), съ бѣлыми и желтыми водяными лиліями, словно небо, усыянное звѣздами.

Въ Новомосковскѣ могли бы быть отличные плодовые сады, потому что въ немъ растетъ шелковица и даже спѣлъ когда-то виноградъ въ монастырѣ; но «безъ труда—нѣтъ плода».

Изъ вредныхъ травъ, здѣсь растутъ подъ захорами и надъ рѣкой: бѣлена или блекота (дурманъ) которая, говорятъ, перенесена въ Европу цыганами изъ Индіи, вѣхъ (цикута), болиголовъ.

Арбузы здѣсь отличные; дыни—цареградки (*качанки*) также хороши. Недостаетъ тому и другому путей сообщенія, чтобы стать въ соперничество съ астраханскими на московскихъ и петербургскихъ рынкахъ. Весь Новороссійскій край много потерялъ съ отмѣною Оеодосійско-московской желѣзной дороги.

Новомосковскъ—родина извѣстнаго доктора Петра Назарьевича Савенка, который былъ въ 30-хъ годахъ профессоромъ с.-петербургской медико-хирургической академіи; здѣсь же провелъ большую часть своей жизни и погребенъ Прокофій Степановичъ Левандовскій. Очень немногіе знаютъ—кто былъ Левандовскій; а между тѣмъ, это былъ талантъ, и очень замѣчательный музыкальный талантъ,—сочинитель партеснаго пѣнія, котораго произведенія, можетъ-быть, не уступаютъ сочиненіямъ Сарти, Дехтарева и Веделя.

Кромѣ того, Левандовскій занимался, и довольно успѣшно, живописью. Рисунокъ его правильный, свѣтъ, тѣнь и полутоны—безукоризненны, отчего въ его картинахъ чрезвычайная рельефность; колоритъ тяжеловатъ, но это относятъ не къ художественному недостатку, а къ бѣдности красокъ. Левандовскій и жилъ живописью, занимаясь поставкою иконостасовъ для церквей.

Но главное его призваніе—духовно-музыкальныя сочиненія, которыя пѣлись архіерейскими хорами въ Екатеринославѣ, Одесѣ, Ак-

керманѣ, Кишиневѣ, и всегда поражали и восхищали слушателей необыкновенной своей прелестью.

Къ-сожалѣнію, все эти прекрасныя произведенія до сей поры не только не изданы, но даже и не собраны. Левандовскій жилъ и умеръ безопаснымъ художникомъ (*).

Вотъ нѣкоторыя изъ его произведеній. Концерты:

1) *Суди ми, Боже.* 2) *Преклони, Господи, ухо твое.* 3) *Плачу и рыдаю.* 4) *Хвалите Господа все языци.* 5) *Благословлю, Господа, на всякое время.* 6) *Къ тебѣ, Господи, воздвигохъ душу мою.* 7) *Изъ глубины возвахъ къ тебѣ, Господи.* 8) *Помилуй мя, Боже.* 9) *Литургія.* 10) *Херувимская пѣснь.* 11) *Благодарственная пѣснь Богу.* 12) *Кантъ на Свѣтлое Христово воскресенье.*

Но, вѣроятно, кромѣ этихъ, найдутся многія другія.

Прокофій Степановичъ Левандовскій, сынъ протоіерея Стефана Левандовскаго, родился 8-го іюля 1782 г. (**); онъ воспитывался въ кievской духовной академіи. Еще въ малолѣтствѣ, у кievопечерскихъ монаховъ, научился онъ живописи и составленію красокъ; потомъ, самоучкой, началъ играть на гусяхъ, на скрипкѣ и фортепіано. Въ Кіевѣ, въ крѣпости, содержался отставной капитанъ Ведель, за какое-то оскорбительное выраженіе; это былъ авторъ нѣкоторыхъ замѣчательныхъ духовныхъ сочиненій, которыя и въ настоящее время очень уважаются; впоследствии, мѣстное начальство, чтобъ освободить его отъ заключенія, назвало его полупомѣшаннымъ и отдало подъ присмотръ полиціи. Молодой Левандовскій посѣщалъ Веделя въ крѣпости и тотъ давалъ ему уроки въ музыкѣ и научилъ его генералъ-басу; а такъ-какъ ученикъ не могъ вознаграждать учителя за ученіе деньгами, то, каждый разъ, когда приходилъ на урокъ, приносилъ ему или булку, или нюхательнаго табаку.

По случаю войны съ Наполеономъ и Портою, составилаь милиція; пылкій Левандовскій поступилъ въ кievскую милицію, но когда

(*) Пользуюсь случаемъ, чтобы, во имя добраго дѣла, просить всѣхъ, у кого найдутся музыкальныя сочиненія Прокофія Степановича Левандовскаго, отсылать ихъ, или вѣрныя съ нихъ копіи, въ г. Паслоградъ, сыну его Флорентину Прокофьевичу Левандовскому, который желалъ бы приготовить къ изданію произведенія своего отца. Гр. Н.

(**) Свѣдѣнія о Пр. Ст. Левандовскомъ доставлены мнѣ сыномъ его. Но этотъ замѣчательный талантъ ждетъ подробнаго изученія. Гр. Н.

часть ея потребовали на усиленіе молдавской арміи, находившейся тогда подъ начальствомъ Михельсона, онъ, увлекаемый призваніемъ къ жизни художника, не ожидая требованія остальной части милиціи, досталъ лодку и поплылъ внизъ по теченію Днѣпра — безъ всякихъ средствъ къ жизни, безъ определенной цѣли, взявъ только свою неизмѣнную скрипку да нѣсколько книгъ. Черезъ нѣсколько дней плаванія, присталъ онъ къ берегу, у мѣстечка Ржищева; отдохнувъ здѣсь, онъ принялся сочинять концертъ *«Боже, въ помощь мою вои- ми»*. Однажды, Л. заигралъ на скрипкѣ разныя народныя украинскія пѣсни; на эту игру явились толпою жители и чуть не на рукахъ понесли къ себѣ заѣзжаго Орфея, угостили его и такъ полюбили, что предлагали ему самую лучшую невѣсту на селѣ, съ тѣмъ только, чтобы онъ остался у нихъ; но новому Вадиму звенѣлъ его колокольчикъ все дальше и дальше. Онъ пріѣхалъ на лодкѣ въ Екатеринославль, — въ какомъ году — неизвѣстно, но до 1807 г. Городъ былъ еще молодой, (существованію его было въ то время съ небольшимъ 20 лѣтъ); требовались люди. Левандовскій не имѣлъ никого знакомаго въ Екатеринославлѣ, но кое-какъ пріютился въ немъ и, посѣщая церкви, сталъ помогать дьячкамъ на клиросѣ. Такимъ образомъ, открылись городу таланты Левандовскаго, и его талантамъ обширное поле занятій, Левандовскій дѣлается, на нѣкоторое время, регентомъ хора пѣвчихъ екатеринославскаго архіерея Платона, занимается живописью, снимаетъ портреты съ значительныхъ лицъ города, учитъ ихъ дѣтей на фортепіано и, наконецъ поступаетъ, въ 1807 г., въ гражданскую службу.

Левандовскій былъ на службѣ недолго; получа чинъ коллежскаго регистратора, въ должности писмоводителя врачебной управы, онъ, въ исходѣ 1814 г., вышелъ въ отставку и окончательно занялся музыкой и живописью.

Ему понравился городъ Новомосковскъ, и онъ, въ 1820 году, переехалъ сюда на постоянное житъе.

Левандовскій занимался миниатюрами и большими портретами; иконостасы сдѣлалъ онъ для пяти церквей, въ томъ числѣ и для новомосковской кладбищенской церкви, въ оградѣ которой онъ похороненъ въ іюнѣ 1849 г. Кромѣ сочиненія духовныхъ піесей для пѣнія, онъ переложилъ на фортепіано: *Господи помилуй, Херувимскую пѣснь, Царю небесный, Отче нашъ, Прїидите, поклонимся* и многія другія, а на маленькій органъ — всю обѣдню Бортнянскаго; также по-

ложилъ на фортепіано множество малороссійскихъ пѣсенъ, сочинилъ нѣсколько маршей, экосесовъ, полонезовъ, вальсовъ и мазурокъ.

И этотъ человѣкъ во всю свою жизнь не имѣлъ другаго фортепіано, какъ въ 5 октавъ, и лучшихъ красокъ, какъ корпунья!

Въ жизни—былъ онъ скромный, безкорыстный человѣкъ, существовалъ съ семействомъ единственно своими трудами и вѣчно боролся съ нуждой, но никогда не падалъ нравственно.

Для изученія замѣчательно-талантливой самородной личности Левандовскаго надо желать, чтобы всѣ его сочиненія были собраны и напечатаны. Да извлечется свѣтильникъ изъ—подъ спуда!

Въ Новомосковскѣ, нынче (1861 г.) есть и другой человѣкъ, который, также какъ и Левандовскій, не палъ ни передъ нуждой, ни передъ бѣдой: это Василій Степановичъ Выставкинъ.

Отецъ его былъ новомосковскій купецъ; вслѣдствіе разныхъ несчастныхъ обстоятельствъ, онъ разорился; домъ и все его имущество пошло на удовлетвореніе долговъ. Сынъ его, Василій Степановичъ, посѣщалъ уѣздное училище, потомъ поступилъ въ Харьковъ, въ приказки въ книжный магазинъ, наконецъ перешелъ въ откупъ, гдѣ, за свою трезвость, честность и расторопность, онъ скоро сталъ получать довольно значительное жалованье, которымъ содержалъ себя и свое семейство.

Извѣстно, что такое, въ степныхъ мѣстахъ, ручьи и рѣчки. Иная лѣтомъ—воробью по колѣна, а осенью и весной—разливается на огромныя пространства, срываетъ мельницы, дома, мосты. Въ одной изъ такихъ рѣченокъ, при своихъ разѣздахъ, въ позднюю осень, Выставкинъ увязъ; оставаясь долго въ водѣ, простудился и лишился употребленія ногъ. Сколько его ни лечили—и на дому, и въ больницѣ,—онъ окончательно сдѣлался недвижнымъ калекой.

Никто не осудилъ бы Выставкина, еслибъ онъ, въ такомъ несчастномъ положеніи, обращался за помощью къ ближнимъ; однакожъ онъ не поддался бѣдствію, сталъ за самое ничтожное вознагражденіе—учить грамотѣ дѣтей, которыя идутъ къ нему съ охотою, и тѣмъ добываетъ себѣ хлѣбъ.

Въ наше время, когда проявилось живое стремленіе ко всеобщему образованію, бѣдный калѣка, съ гордостью пренебрегающій нищенствомъ, и лично служащій, по мѣрѣ силъ, тому же образованію, подавая въ лицѣ юнаго поколѣнія грамоту народу,—не правда ли, заслуживаетъ добраго слова и почетной памяти...

Я былъ у Василя Степановича Выставкина. Представьте себѣ красиваго, крупныхъ размѣровъ, челоѣка, съ черными огромными усами, на лицѣ котораго, повидимому, пышетъ здоровье: и однакожъ этотъ челоѣкъ, какъ Илья Муромецъ, сиднемъ сидитъ уже нѣсколько лѣтъ.

— Иногда мнѣ кажется, рассказывалъ онъ, что я хожу, бѣгаю, прыгаю,—и какъ я радъ тогда!

Но то былъ сонъ коварный сонъ!

Обманомъ только тѣшилъ онъ!

Въ Новомосковскѣ — 3 церкви и всѣ три деревянныя; предполагають строить и кирпичную,—однакожъ это пока одно предположеніе. Зато соборная церковь въ Новомосковскѣ, хоть и деревянная, но это—чудо въ своемъ родѣ! Она состоитъ изъ девяти златоглавыхъ башенъ, каждая о 4-хъ ярусахъ; эти башни, поставленныя по три въ линію, образуютъ изъ себя три ряда, и въ такомъ видѣ соединены вмѣстѣ; среднія башни выше боковыхъ; все это, въ общемъ, составило фигуру изъ 9 конусовъ, дотога правильную, что съ какой бы вы точки ни глядѣли на нее, она отовсюду представляетъ поразительную гармонию и красоту. Самое соединеніе этихъ башенъ достойно удивленія: сложенные изъ сосновыхъ брусьевъ, почти нигдѣ нескрѣпленныхъ гвоздями, онѣ служатъ одна опорой другой, на основаніи равновѣсія, угданнаго здѣсь съ непостижимою вѣрностью.

Украинскій зодчій не придалъ своему произведенію никакихъ внѣшнихъ украшеній; но надобно посмотрѣть въ ясный лѣтній вечеръ съ берега Самари, на эту церковь, когда нельзя распознать, изъ какого матеріала она построена: тогда представится на горѣ, на розовомъ отблескѣ потухающей зари, величественный девяти-купольный силуэтъ ея, нисколько неустодающій многимъ знаменитымъ и богатѣйшимъ храмамъ.

Иконостасъ этой церкви также замѣчателенъ; онъ—въ стилѣ рококо и нѣкоторыми особенностями походить на иконостасы церквей построенныхъ въ Петербургѣ и окрестностяхъ, во время Елизаветы Петровны, подъ влияніемъ растрелевской архитектуры. Мѣстные образы въ иконостасѣ всѣ въ золотѣ и серебрѣ.

Новомосковскій Троицкій соборъ составляетъ историческій памятникъ, потому—что начатъ еще Запорожцами, за годъ до разрушенія Сѣчи; во время атакванія запорожскаго укрѣпленія, въ храмовой праздникъ, въ троицынъ день, 1775 г., церковь выведена была по

окна, но окончена въ то время, когда Новоселовка,—нынѣшній Новомосковскъ,—сдѣлалась слободой Азовской губерніи, Екатеринославскаго уѣзда. Должно полагать, что этотъ храмъ конченъ, по-крайней-мѣрѣ наружно, въ 1778 г., потому-что аттестатъ мастеру Акиму Погребняку выданъ 10-го января 1779 г. (*).

О построеніи новомосковского собора я давно когда-то слышлъ вотъ-что:

Когда церковь была заложена, мастеръ, выведя какъ-слѣдуетъ фундаментъ, вдругъ куда-то скрылся; всѣ поиски о немъ были напрасны; такъ прошло нѣсколько дней; наконецъ онъ явился и принесъ модель строящагося храма, сдѣланную изъ осоки.

На вопросъ—гдѣ онъ былъ, мастеръ отвѣчалъ, что когда онъ приступилъ къ постройкѣ, то самъ испугался, что не въ состояніи выстроить такой церкви, какую обязался доставить, и убѣжалъ,—и скрывался въ камышахъ надъ рѣчкой; но тутъ во снѣ явился ему св. Николай, которому онъ очень усердно молился о помощи, и указалъ—какъ ее построить; послѣ того наутро онъ всталъ и сдѣлалъ эту модель изъ оситняку (т. е. изъ осоки).

Но сынъ мастера, Иванъ Погребнякъ, о построеніи новомосковского собора рассказывалъ иначе (*).

(*) Вотъ копія этого аттестата; я получилъ ее отъ почтеннаго старожилъ г. Новомосковска, Романа Ивановича Пукалова, который имѣлъ въ рукахъ подлинный аттестатъ, хранившійся у сына Акима Погребняка, Ивана, и списалъ съ него копію.

АТТЕСТАТЪ.

Данъ сей государственной слободы Новыхъ Водолазъ жителю Акиму Погребняку, въ томъ, что онъ, Погребнякъ, по данному намъ, нижеподписавшимся, отъ себя контракту Азовской губ., Екатеринославскаго уѣзда, въ слободѣ Новоселовкѣ, деревянную о девяти верхахъ трех-престольную церковь издѣлкою въ совершенное привелъ докочаніе, за которую издѣлку и договоренную цѣну 1976 р. всѣ полнымъ числомъ онъ, Погребнякъ, отъ насъ получилъ; а что онъ сію работу производилъ рачительно, добросовѣстно и превосходно, въ томъ мы, на предбудущія времена, симъ его Акима Погребняка одобряя, подписываемся. 1779 г. Генваря 10-го дня. Церкви Свято-Троицкой Самарницкой Протопопъ Григорій Порохня. Священникъ Стефанъ Ивановъ. Іерей Василій Злепокъ. Священникъ Иванъ Ковалевскій. Священникъ Аврамій Сагайдоковский. Священникъ Иванъ Михайловъ. Священникъ Іаковъ Соколовскій. Порутчикъ и Смотритель Антошъ Головатый. Порутчикъ Феодоръ Легкоступъ. Полковой старшина Лаврентій Миргородскій. Полковой Хорунжій Яковъ Нерода. Полковой Хорунжій Новоселовской. Троицкой церкви ктиторъ Іаковъ Легкій. Той же церкви ктиторъ Павелъ Кореневскій.

(*) Роману Ивановичу Пукалову.

«Была въ Самарѣ, на мѣстѣ нынѣшней соборной церкви, маленькая церковь, пришедшая уже въ совершенную ветхость. Захотѣлъ кошевой и батки куренные отаманы выстроить, взамѣнъ старой, новую церковь, достойную ихъ средствъ и усердія.

— Да ктожъ намъ выстроить? возникъ вопросъ при совѣщаньи.

— Кто? я знаю—кто! отвѣчалъ одинъ Запорожець.

— Ну, скажи.

— И скажу. Былъ я недавно въ Меревѣ (*); тамъ поставлена теперь славная церковь о пяти верхахъ; въ ясный день кресты на ней горятъ точно паникадила, всякая христіанская душа не нарадуется, глядя на нее...

— Ктожъ ее строилъ?

— И то скажу! Строилъ ее человѣкъ изъ Водолагъ, а прозывается онъ—Якимъ Погребнякъ.

— Такъ поѣхать за нимъ, рѣшили *батьки*, и поѣхали за мастеромъ.

Явился Якимъ Погребнякъ.

— Ты можешь построить намъ церковь?

— Могу.

— Ну, гдѣ тебѣ такому «непоказному» выстроить Божій храмъ!—подсмѣивались Запорожцы.

— Ей, батьки, могу; а коли хотите, я сперва намалюю на бумагѣ, какую вамъ церковь могу поставить.

— Ну, намалюй.

Черезъ недѣлю мастеръ приходитъ и приносить фасадъ церкви съ *пятью* куполами.

Отаманы посмотрѣли и сказали:

— Да, церковь намалевана славная; но каково-то ты ее построишь?

— Строить намъ не въ первый разъ; я еще и не такую съумѣю выстроить: я могу сдѣлать церковь съ девятью *банями* (куполами).

— Ну, козаче, отозвался на это одинъ изъ отамановъ; и я, какъ малымъ былъ, то также *брѣхавъ*, только батько не разъ кормилъ меня за то березовой кашей.

— По-правдѣ могу! отвѣчалъ, не смущаяся, Погребнякъ; и я ее вамъ намалюю, коли хотите.

— Намалюй.

Мастеръ ушелъ и черезъ нѣсколько дней снова принесъ планъ и фасадъ церкви, но уже съ девятью куполами — нынѣшняго собора.

Запорожны, какъ увидали, такъ и ахнули. Церковь имъ очень понравилась.

Приступили къ торгу и рѣшили дѣло за 2,000 р.; когда *мого-рычъ* запили, Погребнякъ сказалъ:

— Ну, батькѣ! я также хочу пожертвовать на храмъ Божій, » — и изъ договорной цѣны уступилъ еще 24 рубля; такимъ-образомъ, за издѣлку этой церкви, какъ значится въ аттестатѣ, заплачено 1,976 руб.

Отъ времени пребыванія Запорожцевъ въ Новомосковскѣ, кромѣ собора, осталось еще нѣсколько предметовъ для воспоминаній и было много преданій; но тѣ и другіе годъ-одъ-году исчезаютъ, изглаживаются изъ памяти народной.

Въ пяти верстахъ отъ города находился войсковой мостъ; черезъ него шли чумаки въ Крымъ и на Донъ; еще нѣсколько лѣтъ назадъ показывали его сваи; теперь ужъ, кажется, и свай не видно; близъ этого мѣста наказывали преступниковъ.

Разсказываютъ о какомъ-то несчастномъ священникѣ: сынъ его учился въ кievской семинаріи и былъ чуть ли не въ богословіи. Но тутъ онъ вздумалъ вкусить разгульной жизни и бѣжалъ, — какъ часто это водилось тогда, — на Запорожье; дорогой встрѣтился онъ съ Гайдамаками и, не зная промысла ихъ, присталъ къ нимъ, потому что они назвались Січовиками и обѣщали привезти его въ Січъ... Вдругъ ихъ схватили и присудили за разныя убійства къ смертной казни, въ томъ числѣ, какъ сообщника, и бѣднаго молодого человѣка.

Отецъ его, бывшій священникомъ кievской епархіи, узналъ черезъ кого-то объ этомъ. Но въ то время не было тѣхъ средствъ сообщенія, какія теперь существуютъ; пока онъ собрался, пока пріѣхалъ — наступилъ день казни: горемычный отецъ бросился къ Кошевому и обливая ноги его слезами, разсказалъ о невинности своего сына. Кошевой ту-жъ минуту послалъ съ козакомъ свой *перначъ* — пріостановить казнь юноши, но было уже поздно: отецъ получилъ съ висѣлицы еще теплый трупъ сына.

Другому отцу выпала еще болѣе ужасная доля: на него возложили собственноручно повѣсить на желѣзный крюкъ, за ребро, своего сына... Несчастный дрожалъ, плакалъ, и не рѣшался приняться за дѣло.

— Прорѣжь тутъ, старый! да и надѣнь на крюкъ, — говорилъ ему

обезумѣвшій сынъ, указывая на свой бокъ: — не умѣлъ учить, такъ *катуй* свое рожденіе.

Въ Новомосковскѣ существуютъ еще двѣ высокія могилы, одна— въ самомъ городѣ, у еврейской синагоги, тутъ казнень былъ какой-то Джигиръ; а другая—въ полуверстѣ отъ города, у еврейскаго кладбища, въ сосѣдствѣ съ кирпичнымъ заводомъ; она называется *Каленикова могила*.

Замѣчательно здѣсь это сосѣдство еврейскихъ священныхъ мѣстъ къ мѣстамъ позорнымъ,—вѣроятно не случайное: быть можетъ и въ этомъ проявилась застарѣлая народная вражда къ дѣтямъ Іуды; но все проходить,—и евреямъ, право, теперь недурно въ Новомосковскѣ.

Каленикова могила получила названіе отъ того, что здѣсь исполненъ приговоръ надъ Запорожцемъ Каленикомъ, осужденномъ къ смертной казни *на іостру пѣлю*, т. е.—на колѣ.

Въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, были еще въ Новомосковскѣ старые люди, которые сами видѣли, въ дѣтствѣ, эту казнь и такъ разсказывали о ней.

Прежде Каленика, за день или за два, повѣшенъ былъ здѣсь какой-то знатный Запорожскій старшина, по прозванію Старчай, — человекъ богатый и холостой; когда его вели на казнь, по немъ, какъ по мертвомъ, звонили въ колокола; священники его сопровождали съ крестами и хоругвями, останавливались нѣсколько разъ, читали Евангеліе, и онъ всякій разъ подходилъ и подклонялъ голову подъ Евангеліе. Передъ висѣлицею онъ раскланялся во всѣ стороны, просилъ у всѣхъ прощенія и, именемъ Бога, поклялся въ своей невинности... Дѣйствительно, только-что его повѣсили, прискакалъ гонецъ, съ объявленіемъ, что онъ невиненъ, и съ приказаніемъ освободить его; но Старчай уже былъ мертвъ.

Каленикъ, посаженный на колѣ, три дня былъ живъ и все просилъ пить... но никто не смѣлъ подать ему воды. Тѣло его оставалось въ такомъ положеніи шесть недѣль и дотога высохло, такъ сдѣлалось легко, что при небольшомъ вѣтрѣ вертелось на колѣ какъ мельница.

Верстахъ въ четырехъ отъ Новомосковска, съ западной его стороны, идетъ длинная гора, въ-видѣ вала; на ней видно, въ разныхъ мѣстахъ, нѣсколько кургановъ, расположенныхъ по два, довольно симметрично. Вѣроятно, курганы эти входили въ цѣпь тѣхъ редутовъ, которые построены были Запорожцами отъ устья р. Орели до Конской

рѣчки, и на которыхъ находились *фигуры*, сложенные въ видѣ пирамиды изъ 20 смоляныхъ бочекъ, для того, чтобъ ихъ, — чуть покажутся Татары, — зажигать; это служило мѣстнымъ жителямъ предостереженіемъ отъ непріятеля.

На другомъ берегу Самари, на островѣ, между рѣчками Самарой и Самарчукомъ, близъ Новомосковска, въ лѣсу, находится Пустынно-Николаевскій мужской монастырь; онъ также построенъ Запорожцами и назывался прежде *войсковымъ*. Время основанія его съ точностію неизвѣстно, но полагаютъ, что онъ существуетъ больше 150 лѣтъ.

Основанію его положили начало два отшельника; они избрали здѣшній, тогда дикій, лѣсъ, мѣстомъ для труженической своей жизни. Не знаю, къ этому, или къ позднѣйшему времени относились кельи, выкопанныя близъ селенія Вольнаго, въ горѣ, которая называется «*Прыстинъ*». На дверяхъ этихъ келій видѣли надписи: «Прости мене, брате (*). Въ лѣсу отшельники нѣсколько времени жили такъ, что никто не зналъ объ ихъ существованіи; наконецъ, на нихъ набрели запорожскіе разбойники, называвшіеся *каменниками* (комішниками?); они построили старцамъ кельи; снабжали ихъ пищей, и вообще имъ служили. Но монахи, узнавъ про кровавый промыселъ своихъ покровителей, хотѣли бѣжать; однакожъ каменики зорко сторожили ихъ, вѣроятно, изъ боязни, чтобъ отшельники не донесли на нихъ, а можетъ статься и думая, что ихъ грѣхи искупаются заботами о святыхъ старцахъ. Впослѣдствіи, по распоряженію Коша, разбойники были переловлены; причемъ открыты въ лѣсу и отшельники; этотъ случай, полагаютъ, былъ причиною основанія монастыря.

Запорожская Січъ надѣлила монастырь *тѣвщами*, т. е. дубовыми рощами и правомъ на обселеніе при себѣ вольныхъ людей до 50 дворовъ; отчего составила въ послѣдствіи монастырская вотчина въ 84½ душъ.

Монахамъ предоставлено было нѣкоторое время даже вѣнчать своихъ прихожанъ. Доходы монастыря умножались добровольными приношеніями отъ простыхъ и знатныхъ козаковъ и другихъ лицъ; нѣкоторые изъ нихъ и жили здѣсь, а другіе пріѣзжали оканчивать свою жизнь; въ-особенности, много сдѣлалъ для монастыря бывшій Лейбъ-Кампаніи священникъ Кирилъ Николаевичъ Тарновскій, имѣвшій по со-

(*) Свѣдѣнія объ основаніи монастыря взяты изъ Исторической Записки объ этомъ монастырѣ, изд. въ Одессѣ, въ 1838 г.

сѣдству свои земли, котораго народъ прозвалъ *дикии*; потомъ, на его счетъ построена каменная Свято-Николаевская церковь, съ приделомъ Кирика и Улиты; она существуетъ до сей поры.

Монахи, по Самари и въ другихъ мѣстахъ, имъ принадлежащихъ, выстроили много мельницъ, завели скотные дворы, хутора, пасіки; у нихъ были свои рыбныя ловли, сѣнокосы, хлѣбопашество.

Послѣ уничтоженія Запорожской Сѣчи, Самарскій монастырь стали называть причисленнымъ къ Кіево-Межигорскому Спасо-Преображенскому монастырю; по учрежденіи штатовъ, въ 1764 г., для всѣхъ монастырей, и когда послѣдовало, 10-го апрѣля 1786 г., Высочайшее повелѣніе о малороссійскихъ монастыряхъ въ-особенности, — вслѣдствіе коего, въ числѣ прочихъ, упразднена и Кіевско-Межигорская обитель, — Самарскій монастырь оставленъ въ Екатеринославской епархіи, и съ 1791 г., называется домомъ екатеринославскихъ архіереевъ.

Въ 1794 г., у него отобраны всѣ крестьяне, многія земли, и онъ остался только при 243 десятинахъ лѣса.

Нынѣче монастырь въ упадкѣ: мельницъ, пасікъ — давно и слѣдовъ нигдѣ незамѣтно; прежде можно было въ немъ напиться прекраснаго меду, — теперь и того нѣтъ.

Кромѣ большой церкви, построенной Терновскимъ, въ монастырѣ: справа — каменные кельи съ церковью, а съ прочихъ сторонъ — деревянные; у входа — прекрасная колокольня; выстроена въ 1828 г.

Иконостасъ въ главной церкви съ большимъ вкусомъ, съ колоннами, сдѣланными подъ малахитъ; къ сожалѣнію, онѣ потеряли первоначальную свѣжесть; мѣстные образа въ серебряныхъ ризахъ. Здѣсь же есть древняя Икона Ахтырской Божіей Матери; этому образу болѣе 100 лѣтъ.

9-го мая, въ день Св. Николая, ежегодно бываетъ у ограды монастыря ярмарка, и тогда собирается сюда множество народа, даже изъ сосѣднихъ губерній.

Не знаю, какъ теперь, но въ прежнее время здѣсь можно было въ этотъ день видѣть Русскихъ кликушъ, слѣпыхъ старцевъ, распѣвавшихъ о Лазарѣ и т. п., и малороссійскихъ бандуристовъ.

Такъ-какъ въ Новомосковскѣ населеніе малороссійское, то въ немъ всѣ обычаи повѣрья, пѣсни и сказки общія всей Малороссіи.

Русалокъ называютъ *мавками*, и полагаютъ ихъ господство до Троицына дня и недѣлю спустя; тогда въ лѣсу или на водѣ онѣ могутъ зашекотать встрѣчнаго, или завести въ омутъ. Чтобъ избѣжать бѣды,

нужно носить съ собой полынь, и чуть явится Русалка, бросить ей эту траву съ такимъ причитываньемъ:

Мавко, Мавко! на тобі полинь
Та мене покинь!

Здѣсь же я слышалъ что-то въ родѣ первообраза прекрасной повѣсти Гоголя «Вій,»—но съ менѣе трагическимъ концомъ. Вотъ-какъ мнѣ рассказывали:

Былъ въ селѣ дядекъ красавецъ;—всѣмъ дѣвчатамъ онъ нравился, нѣкоторые даже съ ума сходили отъ него, въ томъ числѣ и одна панночка—дочка какого-то старшины; но дядекъ любилъ чернобровую шинкарку. И сколько панночка ни вертѣлась передъ нимъ и въ *горлиць*, и въ *метѣлиць*, и въ *танку* (хороводѣ), дядекъ не обращалъ на нее никакого вниманія. Скоро ревнивый глазъ панночки замѣтилъ, кто ей перешелъ дорогу. Разъ дядекъ шелъ къ шинкаркѣ, а у шинкарки въ эту ночь собрались вечерницы; и вотъ, только-что отворилъ онъ *хвѣртку* (калитку), вдругъ надъ входомъ стала огромная *макітра* (родъ глинянаго котла), стала—и не даетъ пройти ему во дворъ, къ шинкаркѣ. Дядекъ думалъ—было проскользнуть подъ макитру, но и макитра спустилась книзу; онъ хотѣлъ пореступить черезъ нее:—макитра поднялась вверхъ. У дядьки была палка въ рукахъ—и онъ изо-всей силы—хватъ палкой по макитрѣ. «О-о!» застонала вдругъ макитра разбитымъ голосомъ, и тутъ онъ увидѣлъ, какъ отскочила отъ него уже не макитра, а женщина, и убѣжала, спотыкаясь и хромая.

Дядекъ пришелъ на вечерницы, не говоря никому ни слова о томъ, что съ нимъ случилось; но ему и веселье было не въ веселье: все ему чудился этотъ тяжкій стонъ, какой онъ услышалъ, когда ударилъ по макитрѣ палкой.

На другой день входитъ къ дядьку отецъ панночки—самъ старшина:

— Здравствуй, Охримовичъ, сказалъ онъ.

— Здравствуйте, добродію.

— Ты знаешь, Охримовичъ: Господь посѣтилъ меня:—дочка моя ночью Богу душу отдала?

— Чи ий-Богу?

— Ий-Богу.

— Во-истину, прискорбная вѣсть! говорилъ дядекъ; царство ей небесное, вѣчный покой!

— Умирая, чадо мое милое захотѣло, чтобъ ты читалъ по ней

псалтырь: двѣ ночи въ церкви, а третью, чтобъ прочиталъ на самой могилѣ; такъ послужи намъ, Охримовичъ!

Дьякъ задумался...

— Читать въ храмѣ Божиѣмъ, отвѣчалъ дьячокъ, я радъ и готовъ, но читать на могилѣ, пане,—этого еще не бывало, и я не могу.

— Будь ласковъ, *облубе!* такое завѣщанье было умершей!

— Ей, нельзя; тамъ ночью всякая погань водится.

Но тутъ старшина посулилъ ему такую плату, давши и задатокъ, что онъ забылъ всякій страхъ и взялся читать.

Идучи въ церковь, дьячокъ встрѣтился съ шинкаркой.

— Сегодня я не приду на вечерницы: буду читать псалтырь въ церкви надъ панночкой,—сказалъ онъ.

— Кому жъ и зачитывать ее, какъ не тому, отъ чьихъ рукъ она и въ гробъ легла,—отвѣчала шинкарка.

— Чтѣ ты, молодежи, мелешь? сказалъ дьякъ.

— А кто разбилъ палицей макитру? вѣдь панночка была вѣдьма; ну, *дяче!* она теперь тобѣ *оддяче!* (отблагодарить), прибавила шинкарка, лукаво подмигнувъ правымъ глазомъ.

У дьяка холодъ по жиламъ пробѣжалъ. Онъ постоялъ съ-минуту молча, и вдругъ, сколько духу, бросился бѣжать отъ шинкарки.

— Постой, постой! кричала она ему въ слѣдъ: я тебѣ чтѣ-то скажу, я тебя научу...

Но дьячокъ не остановился, а прибѣжалъ прямо къ попу... «Панотче, говорилъ онъ священнику: случилось такъ и такъ; я взялся читать по панночкѣ двѣ ночи въ церкви, а третью на могилѣ; теперь, узнавши, что она вѣдьма, и вѣдьма, которую я же самъ и въ могилу вогналъ, мнѣ не въ моготу приходится. Благословите отказаться;—пускай читаетъ кто хочетъ,—только не я!

— Нѣтъ, *сындашу*, нельзя! Не давши слова — крѣпись, а давши — держись. Кому жъ и спастъ *парафіянъ* (прихожанъ) какъ не намъ? Мое дѣло—снять съ нихъ на себя бремя грѣховъ на исповѣди, твое—отчитать ихъ; на то ты—дьякъ.

— Такъ, батюшка! да... тутъ вся нечистая сила ополчится на меня!

— На нечистую силу у тебя есть святая молитва; а старшина—человѣкъ именитый; съ нимъ нельзя такъ играть словами; въ его домѣ останавливается проѣздомъ самъ архіерей; чтѣ тогда будетъ, когда владыка узнаетъ, что мы отказали въ спасеніи просящимъ нашей духовной помощи?

И священникъ, ясно и твердо, доказалъ, что отказываться отъ чтенія псалтыря по покойницѣ ни въ какомъ случаѣ нельзя.

Опустивши голову ниже плечъ, съ отчаяньемъ вышелъ дячокъ отъ попа.

— Видишь, кто скоро бѣгаетъ, тому скоро и ноги отказываются служить!—говорила смѣясь, вновь подвернувшись ему, шинкарка. Давно ли ты улепетнулъ отъ меня, *якъ добрый кинь; а теперъ и тебе хочъ кинь*: еле-еле бредешь!

— Да отвяжись ты отъ меня, *йщурко*, сказалъ дячокъ; тутъ горе, а ей смѣхъ!

— Оттого я и смѣюсь, что знаю чѣмъ пособить твоему горю.

— Ты?

— Я.

— Помогни, будь ласкова, коли сила есть, просилъ ее со слезами на глазахъ дячокъ.

— Сама я тебѣ помочь не могу, мій лебѣдику, хотя душой бы рада, а дамъ тебѣ добрый совѣтъ, который стоить доброй помочи, а— на дѣлѣ—и я буду противъ тебя!

— Чтó ты сказала? спросилъ съ изумленіемъ дячокъ.

— А то, что и я—знахарка,—грѣхъ передъ тобой это таить,—и я вѣдма,—оттого я все вѣдѣмскі порови и знаю; но я тѣломъ и дѣломъ должна служить своимъ сестрамъ—вѣдмамъ.

— Господи, спаси меня и помилуй! сказалъ съ ужасомъ дячокъ.

— Однакожъ, я хоть и вѣдма, продолжала шинкарка, да не такая великая какъ панночка; *вонъ—дванадцати—крилка, а я тільки шести—крилка; вона всімъ намъ голова*. И если она потребуетъ и меня къ себѣ на могилу, я должна явиться и искать тебя вмѣстѣ со всеми.

— Пропалъ же я бѣдный, на вѣки вѣковъ пропалъ! застоналъ дячокъ въ отчаяньи.

— Не бойся, Охримовичъ, сдѣлай только то, чтó я скажу тебѣ, а скажу я тебѣ вѣтъ-что: первыя двѣ ночи, покуда ты читать будешь въ церкви, съ тобой не случится ничего страшнаго: нечистая сила не посмѣетъ напасть на тебя въ храмъ Божиємъ; такъ ты исполняй свое дѣло въ церкви смѣло,—ничего не бойся; но въ третью ночь, когда будешь идти на могилу, возьми съ собой хлопчика, веревку и пивня; на могилѣ вели себя хлопчику съ вечера привязать ко кресту, а

пѣвня подвѣжи къ себѣ подѣ мышку. О-полночь, встанетъ изъ гроба панночка и станетъ тебя искать съ своими помощниками и подмошниками, со всякою тварью и тайною силою. И коли они успѣютъ тебя найти прежде, чѣмъ пѣвни заспѣваютъ, ты придави подѣ мышкой своего пѣвня, онъ закричитъ—и они, какъ только услышатъ его голосъ, разбѣгутся, подумавши, что уже наступили *дѣсвітки*.

Дьячокъ обнялъ молодицу, поблагодарилъ и ушелъ.

И правду сказала она: въ тѣ ночи, когда онъ читалъ въ церкви, съ нимъ ничего особеннаго не случилось; только въ первую ночь казалось ему, что мертвая, лежа въ гробу, иногда скалила зубы, а во вторую, будто кто-то въ темныхъ углахъ церкви, по-временамъ, переразнивалъ его, т. е. переговаривалъ по-своему тѣ псалмы, которые онъ читалъ надъ мертвою; но когда онъ останавливался, чтобъ вслушаться въ этотъ голосъ, все умолкало.

Наступила третья ночь; дьячокъ, ни живъ ни мертвъ, побрелъ на могилу. По совѣту шинкарки, онъ взялъ съ собой хлопчика, веревку и пѣвня и только-что пали на землю сумерки, онъ подошелъ къ большому дубовому кресту, который уже поставленъ былъ надъ могилой панночки, и велѣлъ хлопчику привязать себя, взявши подѣ мышку пѣтуха. Когда дѣло было сдѣлано, онъ отпустилъ мальчика и остался одинъ.

Пока еще не совсемъ стемнѣло, дьякъ видѣлъ передъ собой, вблизи и вдали, множество могилъ, свѣжихъ и старыхъ, провалившихся и крутогорбыхъ, поросшихъ чебрецомъ и другими травами, съ крестами и безъ крестовъ; видѣлъ склепы, рѣшетки; все это огораживалось глубокимъ ровомъ, которымъ заканчивалось кладбище; за кладбищемъ стояли двѣ мельницы.

Чтобъ позабыть свой страхъ, дьячокъ сталъ читать наизусть, не переводя духу, псалмы; но зубы его поминутно плясали, и самъ онъ былъ въ лихорадкѣ. Скоро могилы, кресты, склепы, мельницы,—все это потонуло въ темнотѣ, какъ въ безднѣ. Но долго еще и эту непроглядную ночь оживляли шумъ кладбищенскихъ тополей, съ которыми игралъ ночной вѣтеръ; иногда слышался лай деревенскихъ собакъ и стучали проѣзжавшіе по дорогѣ возы; все это еще ободряло дьячка. Наконецъ, какъ будто по всей землѣ моръ прошолъ: сдѣлалось такъ тихо, что дьячокъ слышалъ, какъ стучало въ немъ сердце. Бывало, въ попойкахъ, на вечерницахъ, на весіліі (на свадьбѣ), онъ не замѣчалъ, какъ ночь проходила, а теперь—онъ самъ дозналъ, что

всякая ночь для человѣка въ бѣдѣ—такое море, которому и берегу нѣтъ.

И дьякъ—мысленно сталъ уже читать все, что только приходило ему на память изъ священнаго писанія. Такъ настала полночь... Вдругъ раздался вблизи пронзительный крикъ дикой кошки и на двухъ или на трехъ могилахъ, въ разныхъ мѣстахъ, показались дрожащія синіе огоньки. И вотъ, слышнѣ дьячокъ: кто-то скачетъ по могиламъ—прыгъ-прыгъ; тутъ прорѣзался мѣсяцъ изъ тучи и видитъ дьякъ, при блѣдномъ свѣтѣ: приближала на панночкѣну могилу большая бѣлая *хортія* (гончая сука), остановилась какъ вкопанная передъ могилой, подняла голову и завyla; ей отвѣчала на селѣ, возлѣ, другая собака, той—третья и пошли онѣ перекликаться, точно *вартовіи* (часовые); тутъ могила, какъ разломанный жолудъ, разсѣлась пополамъ... и встала изъ гроба мертвая въ бѣлой сорокѣ, съ распущенною косою, раскрывши большіе черные глаза; разводя руками, будто человѣкъ въ водѣ, когда переходитъ глубокую рѣку или дѣвчина съ завязанными глазами, когда играютъ въ *панаса*, (жмурки, прятки), стараясь схватить кого-нибудь,—обошла вѣдьма свою могилу кругомъ, заскрежетала зубами и сказала: *немѣ! немѣ!*

Потомъ закричала задыхавшимся голосомъ:

— *Любѣ менѣ, сила тѣмная, стань мнѣ у пригоди!*

И вдругъ—послышался шумъ, какой слышенъ отъ надвигающейся градовой тучи; стали налетать на могилу совы, пугачи, *кажаніи* (летучія мыши) и всякія ночныя птицы, набѣжали разные лютые звѣри—волки, медвѣди и такіе, которымъ дьячокъ и названья дать не зналъ; приползъ со всѣхъ сторонъ всякій ядовитый гадъ—змѣи, тарантулы, ящерицы, жабы, и всякая подземная нечисть и погань. Всѣ они собрались вокругъ мертвой, какъ куры вокругъ хозяйки, когда та, посыпая зерно, закричитъ имъ: «*путь-путь-путь-путь-путь!*» Немного погодя, валитъ цѣлая копка сѣна и перекинулась старымъ шапаваломъ, который, ухмыляясь, утиралъ кровавыя губы рукавомъ сѣраго кафтана.

— А! подумалъ дьячокъ: не даромъ тебя, рябая собака, на селѣ дразнили ушыремъ.

Прикатился и большой клубокъ нитокъ и обернулся ткачихой.

— Значитъ взаправду говорили про тебя, старая сука, что ты вѣдьма,—опять подумалъ дьякъ.

Вотъ такая-то молодица, въ калиновомъ вѣнкѣ, прилетѣла на помѣлѣ; за нею появился горбатый уродъ съ кабаньими клыками.

Глядь, и мельницы, стоявшія за кладбищемъ, не шевеля крыльями, вдругъ запрыгали и скачутъ тоже къ мертвой панночкѣ; дьякъ всматривается:—то не мельницы, а двѣ старыя—престарыя бабы съ навеченными на голову платками.

А тутъ, одинъ по одному, поднимаются изъ провалившихся могилъ костлявые мертвецы.

И все завывло, заревѣло,—свиститъ, шипитъ, скрежещеть.

— Найдите мнѣ, найдите врага моего лютаго, и берите за него—мою анаѣемскую душу и тѣло мое треклятое,—крикнула панночка.

И звѣри, гады, кажаны, пугачи, вѣдьмы, упыри, мертвецы, оборотни—принялись искать дьячка. Вотъ, они заползали по могиламъ, стали рыться въ землѣ, забѣгали по всему кладбищу, расплывшись вездѣ, какъ рѣка въ половодь.

А панночка, ожидая надъ своей могилой блѣднѣть, синѣть,—почернѣла, какъ сырая земля.

А звѣрье, а гады, а вся земная и подземная нечисть—все ищутъ дьячка, неутомимо ищутъ, и не находятъ.

У панночки изо рта забила кровавая пѣна.

Вотъ нѣкоторые оборотни вертятся у самого креста, а самого дьячка не видятъ.

Панночка трясется, будто ее родимецъ бьетъ.

Проходить часъ, другой, въ напрасныхъ поискахъ. У панночки очи засвѣтились волчьимъ огнемъ.

Вдругъ раздался хриплый голосъ упыря:

— Нѣтъ, намъ безъ шинкарки не найти его!

— Такъ подайте сюда шинкарку,—сказала грозно панночка.

Упырь и двѣ вѣдьмы бросились за нею.

Черезъ нѣсколько минутъ, видитъ дьячекъ, прилетѣла на лопатѣ шинкарка—блѣдная, простоволосая, въ длинной рубашкѣ.

— Ты, сука, куда дѣвала дьяка? подавай намъ его! приказывала яростно панночка.

— Вотъ онъ! вотъ онъ! отвѣчала шинкарка, указывая на него.

— А, такъ ты здѣсь! а, такъ ты въ моихъ рукахъ! закричала дико панночка: у-у-у! завывла она, какъ голодная волчица, и хотѣла уже броситься на него.

Но въ ту жъ минуту дьякъ придавилъ пѣтуха подъ мышкой; онъ

заголосилъ: ку-ку-ри-ку!... и панночка навзничъ упала въ могилу и скрылась въ ней, и нечистой силы—какъ не бывало!

Такъ любовь чуть-было не погубила, любовь же и спасла дьячка.

Въ Новомосковскѣ, можно бы собрать въ народѣ, не одну замѣчательную легенду, пѣсню, преданіе, сказку.

Григорій Надхинъ.

ПОСЛѢ ПОѢЗДКИ НА ВОЛЫНЬ.

Я выѣхалъ изъ Волыни въ такія лѣта, когда могъ быть только безмолвнымъ и безучастнымъ свидѣтелемъ всего вокругъ меня живущаго и дѣйствующаго. Мои воспоминанія о родной жизни, о правахъ и обычаяхъ моихъ земляковъ были дѣтскія, безотчетныя; и вотъ, я возвращался на родину какъ въ землю невѣдомую, и думалъ, что я, пожалуй, буду чужой даже среди родныхъ. И я не ошибся; даже подъ родительскимъ кровомъ я встрѣтилъ чуждую для меня жизнь. Неразъ я задавался вопросомъ: для чего отрывать меня отъ родной почвы, отъ родной жизни? Нужно ли это было? разумно ли? Въ этомъ случаѣ, имѣлась въ виду цѣль—образовать молодыхъ людей въ *столицѣ* или для занятія видныхъ священническихъ мѣстъ въ *нашихъ захолустьяхъ*, или для учительской должности въ духовныхъ училищахъ. Предоставляю судить всякому, достигалась ли эта цѣль. Священнику нужно знать жизнь своихъ прихожанъ, ихъ потребности, наклонности, а его отрываютъ отъ этой жизни, заставляютъ забыть даже то, что дѣтскій глазъ могъ уже отчасти замѣчать въ родномъ селѣ. Священнику необходимо знать народный языкъ, а его заставляютъ объясняться съ своими прихожанами языкомъ, для нихъ совершенно чуждымъ и непонятнымъ... Но къ несчастію, или, можетъ быть, къ счастью, мнѣ не удалось попасть на предположенное поприще. «По распоряженію начальства» я воротился на родину, но не для того, для чего меня увозили...

Много представлялось моему воображенію перемѣнъ на родинѣ въ теченіи восьмилѣтней моей жизни въ Петербургѣ. Одно освобожденіе крестьянъ изъ—подъ опеки помѣщиковъ на волю много могло перевернуть во взглядахъ и жизни народа. Я думалъ встрѣтить своихъ земляковъ возродившимися къ новой жизни; я думалъ, что они перестали оплакивать свою горькую долю; я думалъ, что, вслѣдствіе распространенія вездѣ школъ (а онѣ росли въ последнее время, точно грибы послѣ дождя), въ нихъ пробудилось сознаніе разумной и само-

стоятельной дѣятельности. Съ такими-то думами я ѣхалъ на родину! Но жизнь наша идетъ независимо отъ логики. Кажется, чего бы лучше? Крѣпостныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ кончились; ничто, повидимому, не препятствуетъ проявленію дѣятельности самостоятельной; а на дѣлѣ выходитъ иначе. Недоумѣваешь, отчего это такъ; а какъ присмотришься къ жизни бѣдныхъ тружениковъ, недоумѣніе исчезаетъ...

Не доѣзжая до Кіева по сю сторону Днѣпра, я встрѣчалъ много селянъ—украинцевъ, которые *попасали* своихъ лошадей и воловъ. По моему наблюденію, ихъ нисколько не привлекалъ Кіевъ, который такъ величественно раскинулся по горамъ, прославленнымъ историческими преданіями и поэтическими сказаніями южнорусскаго народа. Они даже не смотрѣли на эту великолѣпную картину; ихъ взоръ блуждалъ гдѣ-то далеко, искалъ степей малонаселенныхъ, искалъ лѣсу уединеннаго и, казалось, съ удовольствіемъ останавливался на безлюдной мѣстности. Отчего бы это такъ?.. Ясно,—отчего. Украинiecъ знаетъ, что жизнь въ городахъ не его жизнь,—ему тамъ тѣсно; тамъ на каждомъ шагѣ его ограничиваютъ, стѣсняютъ, тамъ надо ему извратить, изломать себя, чтобъ жить. Украинiecъ любитъ степь, оттого, что только тамъ для него просторно и привольно; никто тамъ не скажетъ: «здѣсь не твое мѣсто!» Быть-можетъ, онъ неразъ уже бывалъ въ Кіевѣ; быть можетъ память его полна рассказовъ о его чудесахъ, рѣдкостяхъ; но онъ знаетъ, что ему многого не дадутъ посмотреть, и, пожалуй, выводить изъ всякаго общественнаго мѣста... изъ-за чего же ему интересоваться? Онъ знаетъ, что тамъ господствуютъ паны, да жидаы.

Къ слову—о жидяхъ. Грустное и непріятное впечатлѣніе легло на мою душу при видѣ жидовъ. Нельзя не пожалѣть объ ихъ горькой долѣ—владѣть жизнью среди другихъ народностей, быть ихъ посмѣшищемъ, терпѣть презрительныя укоры, переносить унижительныя для человѣка притѣсненія, страдать и въ тоже время не видѣть ни отъ кого участія къ своему страданію. Тутъ приходило мнѣ невольно на память маленькое происшествіе, которому я былъ очевидцемъ лѣтъ 12 тому назадъ, когда изъ роднаго села ѣхалъ въ кременецкую бурсу *на ученіе*. Въ то время была чрезвычайно дождливая погода и большія дороги превратились въ непроходимую грязь. Недалеко отъ м. Катербурга случилась огромная *баюра* (лужа), чрезъ которую никакимъ способомъ нельзя было пройти безъ того, чтобы не влѣзть въ грязь по-поясъ. Случилось тутъ ѣхать крестьянину на волахъ,

— Перевези мене, чоловіче, *безъ* баіору, сказаль жидъ, шедшій въ Катербургъ, обращаясь къ крестьянину.

— Сядай, псяюхо, сказаль тотъ, презрительно осматривая жиду съ головы до ногъ.

Едва только они проѣхали половину баіору, крестьянинъ какъ-бы опомнился и спросилъ своего компаньона: «що ти даси мені за те, що я тебе перевезу?»

— А що тобі дати? дамъ килишокъ горілки, якъ придемо до Катербурга».

— То я тебе за килишакъ горілки буду везти до самого Катербурка? Давай півзолото, а коли не хочешъ, заразъ вилазь у болото». И чрезъ нѣсколько секундъ жидъ очутился въ болотѣ.

Тяжело такъ жить; нужно имѣть много бодрости духа, стойкости характера и твердости воли, чтобъ жить такъ, какъ живетъ жидъ; нужно быть закаленнымъ до послѣднихъ предѣловъ, пройти сквозь огонь и воду, чтобы такъ нечувствительно относиться ко всему, враждующему съ нимъ. И жидъ, дѣйствительно, таковъ! Онъ и среди горькой доли не унываетъ; онъ смѣется надъ презрѣніемъ и насмѣшками, съ которыми относятся къ нему его новые соотечественники. Плюйте ему въ глаза, онъ не обидится этимъ, и тутъ же не упуститъ случая надуть васъ. Вы отворачиваетесь отъ него, чтобы избавиться отъ его непрошеной помощи, а онъ забѣгаетъ къ вамъ съ другой стороны съ вопросомъ *czego pan potrzebuje?* (что вамъ угодно)? Это васъ злитъ, выводитъ изъ терпѣнія, но вы вспомнили, что вы первый разъ пріѣхали въ *этотъ* городъ и что безъ содѣйствія жиду вамъ нельзя обойтись. Жидъ это знаетъ, и вы не успѣли еще прійти въ себя, онъ уже въ одной ермолкѣ стоитъ передъ вами и готовъ за *півзолото* обѣгать весь городъ, чтобы отыскать то, чего вамъ нужно.

Надобно замѣтить, что въ Волынской губерніи пути сообщенія чрезвычайно затруднительны; тутъ много помогаютъ жида. Жидовскія *балагулы* играютъ у насъ роль дилижансовъ. Въ каждомъ городѣ, въ каждомъ почти мѣстечкѣ, есть своего рода станціи, откуда эти балагулы отправляются. Цѣны за мѣста въ балагулахъ довольно незначительны, особенно въ сравненіи съ в.-русскими извозчиками, но пока вы найдете балагулу, пока выѣдете изъ города, у васъ выйдетъ не мало денегъ. Нужно дать *фактору* за то, что онъ отыщетъ *подрядчика*, нужно дать подрядчику, который, давая вамъ въ залогъ свой

паспортъ, обязывается на извѣстный срокъ и за извѣстную цѣну найти вамъ балагулу; наконецъ, надо дать кое-что и хозяину балагулы на водку, сверхъ платы за балагулу. Но это бы еще ничего; послушайте далѣе. Если съ вами ѣдутъ христіане, то вы счастливы. Вы можете остановиться гдѣ вамъ угодно, съѣсть и выпить, что вамъ угодно. Бѣда, если судьба сведетъ васъ въ балагулѣ съ одними жидами: тогда вы въ полномъ ихъ распоряженіи. Ни одной корчмы они не пропустятъ, вездѣ у нихъ знакомые, вездѣ у нихъ дѣла. Приходится иногда по часу, по два, ждать, пока они справятся съ своими дѣлами. Тутъ не помогаютъ ни мольбы, ни даже угрозы—не заплатитъ денегъ. «Заразъ, заразъ!» отвѣтитъ онъ вамъ стараясь уйти отъ васъ, чтобы вы снова не настаивали. При выѣздѣ изъ Любаръ, въ которомъ мы простояли три часа, гдѣ-то пропалъ одинъ жидъ, и мы должны были на выѣздѣ, у корчмы, простоять еще часа два, пока его не отыскали; ему, видите, захотѣлось повидаться съ однимъ своимъ пріятелемъ! Вотъ еще случай. За 7 верстъ до Бердичева, балагула останавливается. Что это значитъ? спрашиваю я.

— Будемъ Богу молиться, спокойно отвѣчаетъ мнѣ жидъ.

— Бога вы побоитесь: вѣдь не далеко Бердичевъ,—тамъ помоли-
тесь.

— Мы заразъ... И это *заразъ* тянулось два часа.

Жидъ никогда не уважитъ вашей просьбы, если она не принесетъ ему барыша; но если гдѣ чуетъ хоть малѣйшую выгоду, онъ, по одному вашему намеку, готовъ сдѣлать все, что вамъ угодно. Вы пріѣхали въ корчму, въ которой балагулѣ намѣренъ *ponasamъ* лошадей. Вы еще не успѣли сойти съ балагулы, жидъ, вашъ компаньонъ, съ участіемъ вамъ предлагаетъ: *moze pan chce herbaty? Ja powiem-niech panu samowar postawia.* (Неудобно ли вамъ чаю? Я скажу, чтобъ вамъ поставили самоваръ). И какъ онъ радъ, какъ скажешь ему: *da!* Какъ онъ хлопочетъ тутъ, суетится... изъ-за чего? изъ-за стакана чаю. Мнѣ приходилось во всю дорогу, отъ Житомира до Староконстантинова, поить ѣхавшихъ со мною жидовъ своимъ чаемъ.

Въ-продолженіе полугода жизни на Волыни, мнѣ неоднократно приходилось сталкиваться съ жидами: тутъ-то я по опыту убѣдился, что чѣмъ благороднѣе, мягче и человѣчнѣе съ ними обходишься, тѣмъ наглѣе они становятся, тѣмъ съ бѣльшимъ презрѣніемъ они на тебя смотрятъ и тѣмъ усерднѣе стараются тебя надуть. Это люди изолированные, люди, для которыхъ интересы другихъ народностей, нахо-

дящихся въ самыхъ тѣсныхъ съ ними сношеніяхъ, ничего не значать. Жидъ живетъ *для себя*, во имя того убѣжденія, что онъ выше всѣхъ, не принадлежащихъ его племени и не почитающихъ Іеговы такъ, какъ онъ почитаетъ. Къ этому привела его исторія; поступать такъ съ чужими иновѣрцами, заставляетъ его законъ (*). Онъ помнитъ, что дружественныя отношенія его предковъ къ сосѣдямъ—иновѣрцамъ всегда сопровождались гибелью для нихъ; онъ помнитъ, какимъ бѣдствіямъ подвергались они за пренебреженіе законовъ Іеговы и за поклоненіе богамъ чужимъ. Онъ все это помнитъ, и изъ всего этого вывелъ урокъ—не сближаться ни съ кѣмъ, смотрѣть на другіе народы, какъ на враговъ, готовыхъ отнять у него завѣтъ его отцовъ, завѣтъ Іеговы. Онъ боится ихъ по безсилію своему и въ тоже время ненавидитъ и презираетъ ихъ, во всякомъ случаѣ считая себя выше всѣхъ, считая себя народомъ, которымъ нѣкогда управлялъ самъ Богъ, предназначая для высшихъ цѣлей. Онъ съ гордостью можетъ предъ цѣлымъ свѣтомъ засвидѣтельствовать, что ни костры инквизиціи, ни мечи бароновъ, ни сабли козаковъ, не измѣнили ихъ ни на одну юту. Надо дивиться живучести этого племени, лишеннаго отечества и считающагося *отребіемъ* вездѣ, куда ни заносила его судьба.

Вглядываясь въ жизнь жидовъ, вы съ изумленіемъ останавливаетесь на ихъ вѣрности самимъ—себѣ, вѣрности тѣмъ началамъ, которыя разъ на всегда усвоены ими. Жидъ XIX в. ничѣмъ не отличается отъ жида I в.; онъ, собственно говоря, не живетъ, не развиваетъ своихъ убѣжденій, но свято бережетъ ихъ, и гордится тѣмъ, что тысячи лѣтъ прожилъ, оставаясь вѣрнымъ себѣ. И еще тысячи лѣтъ проживетъ и можно съ увѣренностію сказать, что ни сколько не измѣнится. Онъ живетъ прошедшимъ и живетъ для будущаго, въ которое онъ вѣруетъ, и эта-то вѣра укрѣпляетъ его въ его безотрадной и безпріютной жизни. Для него, собственно говоря, нѣтъ настоящаго; онъ и не живетъ настоящимъ; онъ только запасается средствами для жизни *будущей*; потому-то онъ и не принимаетъ къ сердцу ничего *настоящаго*, дѣйствительнаго. Въ литературѣ, въ послѣднее время, поднялись за евреевъ. Вы думаете, что они это считаютъ услугою для себя съ вашей стороны? Ошибаетесь. Мнѣ въ Житомирѣ приш-

(*) Желаяющій можетъ прочитать въ № 23 газ. «День» статью г. Александрова; тамъ собраны всѣ правила, какія внушаетъ талмудъ Іудеямъ для руководства въ ихъ сношеніяхъ съ людьми всѣхъ другихъ исповѣданій.

лось встрѣтиться съ жидомъ, который читаетъ русскіе журналы. «Посмотрите», сказалъ онъ мнѣ, «и объ насъ пишутъ!..»

Изъ этого можно заключить, что отношенія жидовъ къ другимъ и не могутъ отличаться человѣчностью. Пусть что-угодно говорятъ въ ихъ защиту ихъ сторонники,—жидъ всегда останется жидомъ, и даже *сіонскіе* рыцари, при первой встрѣтившейся возможности и выгодѣ, стануть въ ряды противниковъ того народа, который считаютъ своими *соотечественниками*. Ротшильды, Миресы, Альперины и др. яснѣ солнца убѣждаютъ насъ, что жидъ можетъ жить только для своихъ выгодъ. Изгнанные, безсильные, безпомощные, они поняли, чѣмъ можно завоевать самыя сильныя государства. Если справедлива ходячая пословица: «деньги — сила», то жидовъ, владѣющихъ этою силою, никакъ нельзя назвать безсильными. И жидъ старается пріобрѣсти эту силу, не разбирая средствъ; онъ готовъ у бѣдняка отнять послѣдній кусокъ хлѣба безъ всякой жалости, хотя бы этотъ бѣднякъ, въ прежнее время, платилъ ему вдвое дороже противъ обыкновеннаго. Онъ будетъ пользоваться всякою съ вашей стороны ошибкою, и еще посмѣется надъ вами. Въ м. Кузьминѣ я покупалъ какую-то вещь, за которую нужно было заплатить 18 *грошей*; но отвыкнуши считать деньги на *гроши*, я отсчиталъ жидовкѣ 18 к. ср. Черезъ полминуты братъ напомнилъ мнѣ мою ошибку и я потребовалъ назадъ 9 к. Жидовка всевозможными клятвами увѣряла меня, что я ошибаюсь... И такъ бываетъ на каждомъ шагу, по крайней мѣрѣ, у насъ.

Въ Житомирѣ и во всѣхъ другихъ городахъ и мѣстечкахъ Волынской губерніи странно поражаютъ мѣняльные столики. Ихъ такъ много, что почти предъ каждою лавкою стоитъ столикъ. Эти столики приносятъ большіе барыши жидамъ, потому что мелкой монеты (даже мѣдной) рѣшительно нѣтъ^(*), иногда приходится платить 5 к. за размѣнъ 1 рубля, даже еслибъ вы и покупали что-нибудь.

Еще одно послѣднее сказанье... Извѣстно, какую роль играли жидаы во время существованія «рѣчи посполитой», когда имъ отдавались въ аренду даже православныя церкви. Теперь жидаы не играютъ такой важной роли, но все-таки стараются прицѣпиться къ панскому двору, и рѣдкій помѣщикъ не имѣетъ *вірника* изъ жидовъ. Не малую роль играютъ теперь жидаы и при исправникахъ, становыхъ приставахъ

(*) Недостатокъ мелкой монеты доказывается существованіемъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ—Заславскомъ, Староконстантиновскомъ, бумажныхъ мелкихъ денегъ князя Сангушко.

и др. чиновникахъ. Это первѣйшіе конокрады, контрабандисты и т. п. Своею близостию къ властямъ они стараются обезопасить свои продѣлки и, надо сознаться, это имъ удается.

Вотъ я уже въ родномъ селѣ, среди родныхъ, съ грустью и тоской ожидавшихъ моего пріѣзда, среди своихъ земляковъ, пытливо устремившихъ на меня свои взоры, какъ бы спрашивая, непривезъ ли я имъ изъ Петербурга, *отъ самого царя*, какой-нибудь радостной вѣсточкой про волю. Первое, о чемъ я спросилъ встрѣтившихся мнѣ земляковъ,—это: какъ вы поживаете теперь *на волю*?..

Съ перваго разу меня поразила недовѣрчивость, съ которою мои земляки относились къ помѣщикамъ, ко всѣмъ распоряженіямъ мирovýchъ посредниковъ и даже своимъ непосредственнымъ, своимъ собственнымъ, начальникамъ,—къ волостнымъ и сельскимъ старостамъ. Но надо сознаться, что эта недовѣрчивость не неосновательна. Уставныя грамоты должны писаться по соглашенію помѣщика съ крестьянами; а у насъ, большею частію, все дѣло дѣлалось одними помѣщиками, да мировыми посредниками: крестьяне приглашались въ волостное правленіе *только* для подписи этихъ грамотъ! Полуграмотные и даже вовсе безграмотные, они не вѣрили написанному въ этихъ грамотахъ и даже съ подозрѣніемъ смотрѣли на волостное правленіе, не подкуплено ли оно панами.

Кто слѣдилъ за крестьянскимъ дѣломъ, тотъ не могъ не замѣтить, что уставныя грамоты на Волыни писались очень неохотно; и тогда какъ въ великорусскихъ губерніяхъ сотни уставныхъ грамотъ приведены уже были въ дѣйствіе, у насъ и десятка ихъ не было. Какъ извѣстно, это обстоятельство заставило Волынскаго губернатора ѣздить по губерніи, объяснять дѣло и увѣщевать народъ къ составленію уставныхъ грамотъ. «Я самъ,»—писалъ губернаторъ по этому случаю,—«поѣхалъ по губерніи, по селамъ и волостямъ, *чтобы вамъ лично объявить* царское слово и *разтолковать вамъ Положеніе*. Я собиралъ васъ въ разныхъ мѣстахъ. Народа собиралось много, по двѣ и по три тысячи; я нѣсколько разъ читалъ и толковалъ вамъ царскія слова» Спрашивается, что за причина нежеланія крестьянъ—составлять и подписывать составленныя уставныя грамоты? Неразъ мнѣ случалось заговаривать объ этомъ съ крестьянами, неразъ я допытывался причины, и всегда и отъ всѣхъ слышалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ; «Щожъ отсе за воля безъ землі?!» И я ничего не находилъ отвѣтить имъ на ихъ рѣчи, кромѣ того, что земля принадлежит по-

мѣщику, что ему давать даромъ землю невыгодно. Видно, горька была здѣшняя опека *пáньська*, когда крестьяне не хотятъ имѣть съ ними никакого дѣла, когда имъ тяжелы самыя ничтожныя отношенія къ *мостивымъ* панамъ; разъ навсегда они хотятъ покончить дѣло съ ними—и тогда только они будутъ считать себя вольными. Надо замѣтить, что на Волыни помѣщики большею частію поляки; а извѣстно, что они значили и значатъ еще въ жизни южнорусса.

Волынь была не только свидѣтельницею, но и театромъ вѣковой кровавой борьбы козаковъ, за свои права и вольности, съ поляками; ей больше всѣхъ доставалось отъ этой борьбы. Будучи населена русинами, подпавшими панской опекѣ, она терпѣла еще и отъ козацкихъ набѣговъ, которые постоянно раззоряли, жгли и грабили мѣстечки и села потому только, что онѣ принадлежали панамъ, не обращая вниманія на то, что чрезъ это страдали ихъ же братья. Волынскіе *хлѣбороби* все это видѣли и очень хорошо понимали, кто былъ главною причиною ихъ несчастій. Свою непріязнь къ ляхамъ они передавали дѣтямъ и внукамъ, и я не встрѣчалъ на Волыни ни одного крестьянина, который бы отозвался о своемъ панѣ, да и вообще о каждомъ шляхтичѣ, сколько нибудь выгодно. Итакъ, не крѣпостная только зависимость служить причиною недовѣрчивости къ мостивымъ панамъ, не она одна породила такую ненависть къ нимъ: иначе шляхтичи простые, не паны, не подпали бы подъ ту же категорію. Самаго лучшаго шляхтича крестьянинъ нашъ окрестить презрительнымъ прозвищемъ—*ляшисько*, съ прибавкой иногда: добрый. Объясненіе всего этого нужно искать въ исторіи. Вотъ почему наша громада, желая воспользоваться волею, прежде всего хочетъ прекратить всякія отношенія къ панамъ. «Вездѣ», пишетъ волынской губернаторъ, «гдѣ я собиралъ крестьянъ, они мнѣ объявляли: *хотимъ царскаго выкупа*» (Сѣв. Пч. 1862 г. № 208).

Не смотря на такія отношенія волынскихъ южноруссовъ къ панамъ, воля начала уже обнаруживать свое благотворное дѣйствіе. Вслѣдствіе учреждений волостныхъ правленій, они очутились подъ управленіемъ людей изъ своей же среды, которыхъ они сами же и выбирали на своихъ «*радахъ*». И прежде, во время панованія помѣщиковъ, наши крестьяне часто собирались или возлѣ церкви, или возлѣ корчмы, или гдѣ-нибудь на *горбóчку*, и здѣсь разсуждали обо всемъ, что только касалось ихъ жизни домашней, взаимныхъ отношеній; тутъ толковали и о своей горькой долѣ, и не одному приходило на память

преданіе о тѣхъ радахъ, на которыхъ когда-то каждый имѣлъ право подавать свой голосъ. Но все это давно было; *було колись... да що не миніае?!..* Теперь громада получила гораздо больше значенія; ихъ *ради* стали оживленнѣе; кругъ предметовъ для разсужденія сталъ обширнѣе. Неразъ я видалъ, какъ старички, едва движущіеся, съ палкою въ рукахъ, спѣшили на раду, сказать молодымъ людямъ *якѣ розумне слово*, подать совѣтъ, отмѣченный многолѣтнею опытностію, и пріятно было видѣть, какъ внимательно слушали этихъ мудрецовъ и какъ послѣ взвѣшивали и повѣряли каждое ихъ слово. Многіе изъ нихъ, вѣроятно, были дѣти тѣхъ, которые были свидѣтелями страшныхъ подвиговъ Гонты и Зализняка, которые жили въ то время, когда на Волини, на Подоли и на Украинѣ (собственно) происходила ожесточенная рѣзня, которые, быть-можетъ, видѣли, какъ съ живаго Гонты, уполномоченный польскимъ правительствомъ, *регентарь* Стемпиковскій, сдиралъ полосами кожу, отрубалъ ему руки и ноги, вырывалъ сердце и, наконецъ, четвертовалъ. Они, вѣроятно, слышали эту печальную повѣсть отъ своихъ отцовъ и, конечно, не могли въ душѣ не питать благоговѣнія къ людямъ, мужественно ратовавшимъ за вѣру и свободу, и, безъ сомнѣнія, отъ чистаго сердца оправдывали ихъ жестокою местью соплеменникамъ, безразсудно нарушавшимъ ихъ права человѣческія. Они помнили рассказы своихъ отцевъ, какъ въ ихъ время собирались подъ открытымъ небомъ рады, и могли руководить своихъ преемниковъ въ *громадськихъ* сходкахъ. Любо было слушать какъ староста, обращаясь къ собравшимся на раду крестьянамъ съ словами: *панове-громадо!* предлагалъ на ихъ разсужденіе каждое слово мирового посредника, каждое рѣшеніе волостнаго правленія.

Я слышалъ, что въ великорусскихъ губерніяхъ волостныя правленія отличаются деспотическими тенденціями, особенно поближе къ большимъ городамъ, усвоивая тотъ же духъ и направленіе, которые господствуютъ во всѣхъ почти русскихъ присутственныхъ мѣстахъ. «Придешь завтра!» обыкновенно говорятъ *волостные* (старосты) своему же брату, хотя бы у послѣдняго было самое необходимое дѣло. Не знаю, получили ли здѣсь право гражданства взятки; но достоверно знаю, что, по окончаніи всякаго дѣла, все начальство отправлялось въ кабакъ для угощенія на счетъ того, въ чью пользу рѣшено было дѣло... Бываютъ попойки и у насъ, но тутъ все дѣлается цѣлою громадою, и каждый, не исключая и старосты, покупаетъ горілку на свои гроши и *частіе* кого ему угодно. У насъ, кажется, поняли, что ста-

роста есть представитель громады; онъ долженъ заботиться объ ея интересахъ: потому только громада и согласна платить ему жалованье. Въ с. Г—кахъ С. уѣзда рассказывали, будто помѣщикъ подарилъ старостѣ двѣ или три десятины земли, съ тѣмъ, что бы онъ радѣлъ объ его интересахъ. Узнавши это, крестьяне этого села отказывались и слушать его и давать ему деньги на жалованье, говоря: *»нехай ёму панъ платитъ, бо вінъ панові слѣжитъ«*. А надо замѣтить, что паны, особенно мелкопомѣстные, чрезвычайно хлопочутъ о томъ, чтобы склонить старосту на свою сторону. Въ с. З—цахъ С—го уѣзда, паны приглашали старосту къ себѣ въ гости, обращались съ нимъ за панибрата, угощали его *гербатомъ* и съ изумительною вѣжливостію пожимали ему руку. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они и уснѣвали, особенно если взять во вниманіе неопредѣленность теперешнихъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ. Но если старосты увлекались льстивыми предложеніями пановъ, то старались, чтобы ничего этого не знала громада, потому—что, во всякое время, она готова сказать своему старостѣ: *»покинъ, негідний сїне, свое старѣство,—іоді тобі панувати; бо ти нашъ хлїбъ їси, а чор'зна кому слѣжиши«*...

Отношенія нашихъ крестьянъ къ духовенству нѣсколько отличаются отъ великорусскихъ. Въ Великороссіи духовенство и церковь составляютъ что—то особенное отъ народа, почти внѣшнее по отношенію къ нему. На Волыни я встрѣтилъ совершенно другой взглядъ; тамъ церковь и народъ—это одно цѣлое, а священникъ—приставникъ къ церкви и народу, блюститель человѣческаго спасенія.

Къ замѣчательнымъ церковнымъ учрежденіямъ, доказывающимъ вышепоказанныя отношенія крестьянъ къ духовенству, принадлежатъ такъ—называемыя *братства*. Братство составляютъ зажиточные прихожане обоюго пола. Главную принадлежность каждаго *братчика* и каждой *сестрички* составляютъ большія восковые свѣчи, съ которыми они стоятъ въ церкви во время важнѣйшихъ частей богослуженія, напр. во время чтенія евангелія, при освященіи св. даровъ и т. п. «Это обычай древнихъ братствъ; такъ стояли нѣкогда, съ собственными зажженными свѣчами, князья, дворяне и другихъ сословій братчики въ Львовѣ, Вильнѣ, Луцкѣ, Могилевѣ и др. мѣстахъ (*)». Братчики, во главѣ которыхъ стоитъ церковный староста и ключникъ, суть посредники между священникомъ и прихожанами. Находить ли нужнымъ

(*) Кіевск. Епарх. вѣд., № 8.

священникъ что-нибудь сдѣлать въ церкви,—произвести починку, купить какую-нибудь вещь,—онъ обращается къ братчикамъ, и безъ ихъ совѣта ничего не выправѣ сдѣлать. Братчики, посоветовавшись между собою, объявляютъ громадѣ, и если предложеніе священника будетъ принято всѣми, то они берутъ на себя обязанности исполненія. Впрочемъ, братчики, и безъ всякаго напоминанія священника, считаютъ своею обязанностию заботиться о церковныхъ пользахъ, о приращеніи церковнаго имущества, объ украшеніи храмовъ, о пріобрѣтеніи нужныхъ для церкви вещей. На ихъ же обязанности лежитъ заботиться о церковныхъ домахъ и другихъ зданіяхъ, принадлежащихъ церкви.

Правда, *братства*, въ настоящее время, вслѣдствіе политическихъ переменъ, потеряли то огромное значеніе, какое онѣ имѣли прежде, когда отношенія югозападнаго края къ сосѣдямъ, были федеральныя; но нельзя и теперь не замѣтить слѣдовъ ихъ существованія въ дѣятельности на пользу церкви и прихожанъ. Они видны въ такъ называемыхъ *братскихъ* и *сестричныхъ* обѣдахъ въ храмовые праздники, поминальные дни, на проводы (радонца) и др. праздничные дни назначаемые по согласію братчиковъ и сестрицъ. Братскіе обѣды приготавливаются обыкновенно въ дни св. Николая, Георгія великомученика и др. на счетъ зажиточныхъ прихожанъ и непременно братчиковъ; а сестричные въ дни св. Варвары, Екатерины и др. Въ назначенное время братчики и сестрицы, по общему соглашенію, приносятъ на *цвинтарь усе, чилиз споминъ имъ Богъ*. Послѣ обѣдни и *парастаса*, въ хорошую погоду, обѣдъ приготавливается подъ открытымъ небомъ близъ церкви, или въ колокольнѣ; въ случаѣ же неблагоприятной погоды,—въ домѣ священника, что у насъ, впрочемъ, рѣдко, а болѣею частію, въ *школь* (такъ называется жилище дьячка и пономаря), или въ частной *хатѣ*, близкой къ церкви. Послѣ краткой литіи начинается собственно обѣдъ, за которымъ братчики и сестрички прислуживаютъ всѣмъ, начиная отъ священника и оканчивая послѣднимъ, покрытымъ лохмотьями нищимъ. Эти обѣды вполнѣ носятъ на себѣ черты, напоминавшія *вечери любви* первенствующихъ христіанъ. Если гдѣ, то особенно здѣсь, священникъ удобнѣ всего можетъ оказывать благотворное вліяніе на прихожанъ своими совѣтами и наставленіями; тутъ онъ ближе всего къ нимъ.

Дѣятельность теперешнихъ братствъ ограничивается предѣлами только своей церкви, да и здѣсь онѣ не находятъ для себя простора,—

во-первыхъ, по недостатку матеріальныхъ средствъ, которыхъ у *кри-нака-хлібороба* всегда мало, а во-вторыхъ, по вѣдательству другихъ лицъ, не принадлежащихъ непосредственно къ ихъ церкви. Если бы данъ былъ просторъ ихъ дѣятельности, если бы ничто не стѣсняло ихъ извѣй, тогда никто не жаловался бы на недостатокъ школъ для народнаго образованія, богадѣленъ для пріюта бѣдныхъ и престарѣлыхъ. Все это явилось бы,—потому-что и цѣль братствъ церковныхъ, по своему первоначальному значенію, состоитъ въ томъ, чтобы доставлять все нужное для духовнаго блага своихъ братьевъ; а какое благо выше для человѣка, если не просвѣщеніе?

Чтобы не подумалъ кто-нибудь, что это неосуществимая мечта, укажемъ на существованіе одного братства въ Кіевской губ. Каневского уѣзда въ с. Дыбинцахъ. «Оно существуетъ и теперь въ такомъ же видѣ, въ какомъ существовало и въ прошломъ столѣтіи; тоже устройство, тотъ же порядокъ, тѣ же цѣли и средства, все тоже до малѣйшихъ подробностей. По-прежнему, продолжаются сходки и совѣщанія братскія и приговоръ ихъ обязателенъ для всѣхъ по-прежнему... Неодно содержаніе и украшеніе храма Божія, не одни номинальные и праздничные обѣды озабочиваютъ и теперь это братство»,—но также «пособіе обѣдѣвающимъ братьямъ и вообще бѣднымъ, погребеніе бѣдныхъ, обученіе желающихъ грамотѣ и гончарному мастерству, и главное—поддержаніе нравственной чистоты въ обществѣ... Всѣ, провинившіеся предъ уставомъ братскимъ, предъ судомъ нравственности и мнѣнія общественнаго, подлежатъ суду братства и не могутъ противиться ему... Судъ этотъ употребляетъ различныя наказанія, преимущественно денежныя пени; но главная цѣль наказаній состоитъ въ томъ, чтобы виновный принесъ раскаяніе предъ братствомъ. Замѣчательно—въ братствѣ никогда не употреблялись тѣлесныя наказанія (*)». Глядя на эти братства, какъ бы видишь предъ собою собранія первенствующихъ христіанъ, заботящихся о водвореніи чистой нравственности между всѣми членами христіанскаго общества,—видишь, какъ всякій проступокъ, всякій *грѣхъ* искупался общественнымъ раскаяніемъ предъ цѣлымъ собраніемъ, — видишь, что тутъ не карали *грѣшника*, но исправляли, — видишь все это — и тяжело становится на душѣ, при видѣ упадка нравственнаго значенія христіанскихъ общинъ, или братствъ,

(*) Кіевск. Епарх. Вѣд. № 8.

и съ недоумѣніемъ спрашиваешь: отчего иногда самыя благодѣтельныя учрежденія падаютъ, и въ тоже время самыя нелѣпыя торжествуютъ? Отчего?! (*).

Итакъ, возможны и въ настоящее время подобныя братства; нужно только возбудить громаду къ дѣятельности, напомнить ей ея старое, по причинѣ различныхъ обстоятельствъ, забытое учрежденіе; нужно уяснить ей то благотворное значеніе, какое оно имѣло и можетъ имѣть въ жизни каждаго человѣка. И это тѣмъ легче сдѣлать, что при каждой церкви существуютъ еще братства,—только дѣятельность ихъ ограничена... Кто же можетъ и долженъ это сдѣлать? Мнѣ кажется, что это долженъ и можетъ сдѣлать скорѣе всего священникъ... Но тутъ встрѣчается затрудненіе. У насъ, на Волыни, священники пользуются нѣкотораго рода барщиною отъ своихъ прихожанъ, и церковный староста, сколько я замѣчалъ, *обязанъ*, неизвѣстно почему, исправлять для священника всѣ работы *наймита*. Въ настоящемъ году вышелъ указъ, запрещающій священникамъ пользоваться услугами старосты; но противъ этого указа возстала большая часть священниковъ, какъ-будто онъ лишалъ ихъ какихъ нибудь правъ законныхъ! Указъ этотъ слѣдовало предъявить церковнымъ старостамъ,—и тогда старосты могли бы прекратить свои унижительныя отношенія къ священникамъ. Чтѣже? многіе, на *соборцяхъ* (*), рѣшили—не показывать этого указа старостамъ!

Нельзя не замѣтить, что на Волыни отношенія священниковъ къ прихожанамъ не всегда отличаются такими качествами, какихъ бы слѣдовало ожидать отъ христіанскаго пастыря. Неразъ мнѣ приходилось слышать отъ крестьянъ жалобы на священниковъ за то, что послѣдніе требуютъ платы за священнодѣйствія. Бывали случаи, что прихожане, безъ всякой церемоніи, указывали священникамъ на инвентарныя правила и новыя правила, которыми священнику воспрещается брать что-нибудь отъ своихъ прихожанъ за отправленіе священнодѣйствій. Волостныя правленія, сколько я знаю, также противъ платы. Правда,

(*) Почтенный народолобецъ—христіанинъ теперь можетъ утѣшиться: начальство кievской митрополіи оцѣнило великое значеніе братствъ и, приглашая священниковъ къ возстановленію этого народно-христіанскаго учрежденія въ видахъ улучшенія содержанія сельскихъ храмовъ, школъ, госпиталей и проч., издало *уставъ братствъ*, основанный на уставахъ братствъ древнихъ, но приуроченный къ потребностямъ нынѣшняго времени. Ред.

(*) *Соборцы*—это собранія священниковъ и всего причта до благочиніямъ для исповѣди и св. причастія во всѣ 4 поста.

многіе прихожане никогда не отказываются давать за труды священнику любимому и уважаемому, хотя бы тотъ и не требовалъ; они возмущаются только принудительными поборами и постыднымъ торгомъ, столь неприличнымъ священнику. Спору нѣтъ, всякій трудъ достоинъ награды, но трудъ священника самъ-по-себѣ долженъ быть наградой. Скажутъ: этимъ сытъ не будешь. Справедливо; но чѣмъ же виноватъ бѣдный прихожанинъ, что съ него берутъ иногда послѣднее? притомъ, развѣ священникъ рѣшительно остается безъ всякаго содержанія? У насъ на Волыни, кромѣ священниковъ—дворянъ, которые имѣютъ иногда свои земли, каждый приходскій священникъ пользуется не малымъ количествомъ земли, которую, вдобавокъ, прихожане сами и обрабатываютъ. Притомъ, они получаютъ еще, хотя ничтожное, жалованье, которое, во всякомъ случаѣ, достаточно для того, чтобы одѣться и обуться. Приходилось мнѣ выслушивать жалобы священниковъ на недостаточность содержанія, на невозможность жить однимъ жалованьемъ, не занимаясь земледѣліемъ и другими промыслами: «а развѣ прилично священнику, приносящему дары Господу Богу, копаться въ навозъ?» обыкновенно прибавляли въ—заключеніе. Что же вы не вспомните Іакова—брата Господня? Да, наконецъ, позвольте васъ спросить: какъ же живетъ вашъ прихожанинъ, иногда съ огромной семьей, при двухъ или трехъ десятинахъ земли, за которую нужно отбывать барщину помѣщику, да еще платить подушный окладъ? вематривались ли вы когда нибудь въ его жизнь? Если нѣтъ, то посмотрите, сколько онъ переноситъ трудовъ для себя, для своего семейства, для помѣщика, и наконецъ—для васъ?! И при всемъ томъ—онъ живетъ, и живетъ иногда безропотно, надѣлая пріобрѣтенными потомъ и кровью грошами и тѣхъ, которые, по—справедливости, могли бы обойтись безъ этихъ трудовыхъ грошей. Пора бы, по одному христіанскому челоуѣколюбію, отказаться отъ трудовыхъ грошей бѣдняковъ—хлѣбоборовъ: тогда общество нашло бы другіе, болѣе приличные, источники для вознагражденія васъ.

Можетъ—быть, кому—нибудь будетъ любопытно знать, какова бываетъ плата за священнодѣйствія у насъ на Волыни; сообщаю то, чему самъ былъ очевидцемъ.

Родится дитя; повивальная бабка даетъ знать священнику, и ни въ какомъ случаѣ она не должна являться къ нему съ пустыми руками. Не принято, да, притомъ, едва ли бы священникъ согласился дать молитву даромъ; и вотъ баба несетъ ему курину и полштофа водки.

Идетъ родильница въ сороковой день *до вѣводу*,—опять должна нести курицу.

Затѣются въ селѣ свадьба; прежде всего, заботятся о томъ, чтобы *зодѣти пона*, что, сколько я могъ замѣтить, самое непріятное дѣло въ жизни крестьянина. Приходятъ къ попу, а нерѣдко и къ *попадѣ* ⁽¹⁾, и начинается *торгъ*, въ собственномъ смыслѣ слова. Одинъ священникъ, немного учившійся въ академіи, когда я замѣтилъ ему объ этомъ, не очень приличномъ, торгѣ, сказалъ мнѣ: «кто хочетъ жениться, съ того нужно побольше брать, потому что это такое дѣло, что безъ денегъ нельзя обойтись; нужно на что-нибудь жить»... Поэтому—то бѣднякамъ жениться и нельзя!.. Послѣ торга, наканунѣ свадьбы или и въ самый день свадьбы предъ вѣнчаніемъ, и женихъ и невѣста представляютъ священнику по одной курицѣ и по бутылкѣ водки. Послѣ вѣнчанія, когда молодые идутъ *до вѣводу*, опять приносится курица и водка...

Умираетъ ли кто,—опять идетъ торгъ: священникъ, съ своей стороны, желаетъ получить побольше, а прихожанинъ хочетъ дать по меньше. Священникъ угрожаетъ *казенными* похоронами... крестьянину этого не хочется—и онъ даетъ послѣднее. Мнѣ удалось быть свидѣтелемъ одного подобнаго торга. У одного крестьянина была жена; мужъ покойницы проситъ священника похоронить ее *по Божому*, съ *прѣводомъ*, т. е. вынести изъ дому въ церковь съ хоругвями и крестомъ, при колокольномъ звонѣ, и изъ церкви такимъ же образомъ на кладбище, и предлагаетъ за это два злота. «Э! братъ,» замѣчаетъ священникъ: «давай два рубля, а то, коли хочешь, принеси на цвинтарь, то я и даромъ похочаю, по—казенному ⁽²⁾». «*Мені бѣ татуню* ⁽³⁾, *хотѣлось по—христійнськи, та я такъ багато грѣшей не маю*». Священникъ спускаетъ на 10 злотыхъ, крестьянинъ съ своей стороны прибавляетъ еще золотый. Тяжело было видѣть такую постыдную торговлю при гробѣ христіанки! Черезъ нѣсколько ми-

(1) У насъ, на Волыни, очень часто приходы предоставляются малолѣтнимъ сиротамъ. Въ такомъ случаѣ, вдова, *йлюсть-добродзика* нанимаетъ заштатнаго священника за извѣстную плату, а сама распоряжается приходомъ. Пристраивать сиротъ—дѣло хорошее; но нельзя ли найти иныхъ средствъ,—поблагоприличнѣе?—въ-особенности для края—съ католичествомъ, и проч.

(2) У насъ священники почти всегда стараются говорить съ своими прихожанами книжнымъ р. языкомъ,—по московски—какъ объясняетъ народъ, не въ силу ли того, что имъ, какъ аристократамъ, неприлично говорить по хлѣпски?

(3) Такъ прихожане называютъ у насъ священника.

путь является братъ покойницы. *Щожъ, татюню, чи підете ховати, чи ні?* спрашиваетъ онъ у священника. *»Піду, якъ даєте 8 злѣтихъ; а то приносить на цвинтарь, то я й даромъ поховую»*, съ стоическою твердостью продолжаетъ священникъ. *»Та вже, проше татюня, не турбуйтеся йти: ми и самі заграбаємъ. Богъ вибачить намъ, бо ми бідні»*. Дѣло, однакожъ, кончилось тѣмъ, что священникъ согласился хоронить съ проводомъ; но тутъ другая остановка. Является дьячекъ съ претензією, что ему мало дали, — всего только, кажется, 20 грошей, — и отказывается пѣть. Не правда ли грустная картина?.. И такія картины перѣдки.

Изъ этого краткаго перечня священническихъ доходовъ, нельзя не видѣть, что едва ли не первую роль играетъ водка. При каждомъ, сколько-нибудь замѣчательномъ, событіи въ жизни прихожанина, требующемъ участія священника, священнику приносится водка. Не знаю, приличіе ли получать подобныя дары, или занимать земледѣліемъ. Мнѣ кажется, что подобныя подарки рѣшительно унижаютъ духовное лицо, какъ въ глазахъ прихожанъ, такъ и во мнѣніи иновѣрцевъ. «Чтожъ дѣлать, коли несутъ? Такой ужъ обычай; противъ обычая ничего не сдѣлаешь». Да, вѣдь, на священникѣ лежитъ обязанность искоренять дурныя обычаи, и поддерживать и вводить новые, болѣе чистые и благородные. Согласитесь, что прихожанинъ не принесъ бы вамъ водки, если бы вы сказали ему, что это неприлично; а то онъ предполагаетъ, что у васъ иначе ничего и недопросишься, и вотъ онъ несетъ вамъ угощеніе. Чтѣ крестьяне не въ пользу этого обычая, это видно изъ того, что въ мѣстечкѣ Кузьминѣ, Староконстантиновскаго уѣзда, прихожане жаловались архіерею на то, что священникъ требуетъ отъ нихъ водки, и просили его уничтожить этотъ обычай.

У насъ есть прекрасный обычай—приносить въ церковь хлѣбы, такъ называемые *книші* (обыкновенно по три) какъ бы въ даръ Богу; приносятъ также и другіе съѣстные припасы. Это напоминаетъ первыя времена христіанства, когда христіане приносили въ храмъ хлѣбъ и вообще все, чтѣ имѣли, для вечери любви, и тутъ угощали бѣдныхъ. Надъ этими *принѣсами* совершаютъ *парагасы* (панихиды), если сверхъ хлѣбовъ положены и деньги, — или *лѣтин*, если нѣтъ денегъ; но, потомъ, все это обращается не въ пользу немущихъ, которыхъ иногда довольно много стоитъ на церковной паперти, а въ пользу причта, не смотря на то, что у много священника нѣсколько *стіжківъ* хлѣба стоитъ еще на току необмолоченными. По моему мнѣнію, было бы

лучше хлѣбъ этотъ отдавать весь дьячкамъ и пономарямъ, которые, дѣйствительно, не имѣютъ иногда куска хлѣба, или хлѣбъ этотъ продавать, и вырученныя деньги отдавать вдовамъ и сиротамъ духовнаго званія.

Итакъ, всякій согласится, что подобныя поборы не приличны священнику. Но какъ же, спрашивается, жить священнику при недостаточномъ жалованьи? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, заниматься земледѣліемъ и копаться въ навозѣ? чтожъ дурнаго въ земледѣліи? Ап. Павелъ, учитель цѣлой вселенной, строилъ палатки, чтобы имѣть кусокъ хлѣба; онъ не считалъ никакой работы низкою для себя и работалъ, не смотря на великіе и опасные, въ то время, труды благоговѣствованія слова Божія. Почему же священнику невозможно трудиться? Я не говорю, чтобы священникъ исключительно занимался земледѣліемъ; есть много другихъ занятій, которыя для человѣка благороднаго всегда благородны, будь это плотничество, или сапожничество и т. п. Говорить,—что такой-то трудъ низокъ для священника,—значить не понимать значенія труда, не понимать христіанства, которое освящаетъ всякій трудъ.

Мимоходомъ замѣчу, что на Волыни священническія семейства, по большей части, носятъ на себѣ польскій отпечатокъ; все у нихъ на польскій—*панський*—манеръ и даже говорятъ они все по-польски; рѣдко гдѣ услышишь книжно-русское слово, а по украински... какъ можно:—*to język chiopsky* (это мужичій языкъ). Случалось мнѣ бывать въ нѣсколькихъ домахъ священническихъ, и я замѣтилъ здѣсь двѣ крайности. Во-первыхъ—стремленіе уподобляться полякамъ, которые у насъ считаются цивилизованнѣе другихъ. По пріѣздѣ на Волынь, я затруднялся сначала говорить по-польски и даже, отчасти, по-украински, и обыкновенно съ перваго разу, вездѣ начиналъ *по-московски*. И что же? въ нѣкоторыхъ мѣстахъ со мной не хотѣли или не умѣли—не знаю, говорить по-русски и даже по-малороссійски, не смотря на мои просьбы. Другая крайность—это копировать великоруссовъ и говорить *по-великорусски*, сохраняя въ неприкосновенности всю польскую обстановку. Надо замѣтить, что русское слово какъ-то не гармонируетъ съ польскою обстановкой. Меня удивляло, какъ можно быть до такой степени равнодушнымъ къ родной жизни, къ роднымъ обычаямъ, къ родному слову? Какъ можно до такой степени поддаваться вѣишнему, противуестественному, положительно-вредному вліянію? Какъ не понять, что положеніе принятое духовенствомъ, ведетъ его

къ разъединенію съ народомъ, отнимаетъ огромную долю нравственного вліянія, взаимнаго пониманія и довѣрія? Сперва я думалъ, что все это происходитъ отъ малоразвитости и малообразованности, но скоро я убѣдился въ иной причинѣ. По дорогѣ, я побывалъ въ кіевской академіи; тамъ я замѣтилъ, что нѣкоторые земляки мои говорили, даже между собою,—какъ они думаютъ—по-русски. Сначала я считалъ это дѣломъ привычки; но полюбопытствовалъ спросить: почему вы не говорите на родномъ языкѣ? «Потому», отвѣчали мнѣ, «что малороссійскій языкъ—это языкъ *плебейскій* (!), а польскій и русскій у насъ признаны *аристократическими* (!!). Въ порядочномъ домѣ тебя осмѣютъ, если ты хоть заикнешься по-малороссійски.»

Что жъ это за образование, за духовное *просвѣщеніе*, если оно поддерживаеъ такіа дикія, затхлыя понятія? Вѣдь эти люди предназначаютъ себя на служеніе народу, который только и говоритъ по-малороссійски, которому ненавистенъ языкъ польскій и—малопонятенъ и даже непріятенъ для слуха—великорусскій...

Въ Житомирѣ, одинъ господинъ, учившійся въ университетѣ, старался (разумѣется—безуспѣшно) мнѣ доказывать, что нелѣпо дѣлаетъ тотъ, кто хлопочетъ о развитіи народнаго языка,—что и писать по-малороссійски нелѣпо: въ Германіи, тоже много нарѣчій, но только одно получило право гражданства въ литературѣ и въ высшемъ, образованномъ, обществѣ и никто ничего не говоритъ противъ этого. Что за верхоглядство, какое непониманіе въ этомъ сравненіи, выхваченномъ наобумъ изъ *Русскаго Вѣстника*, какое полное незнаніе или неразумнѣе духа исторіи и народностей!... Я не стану вдаваться въ подробный разборъ этой доктринерской нелѣпости: кто читалъ *Основу*, кто жилъ среди своего народа, и знаетъ языкъ его, тотъ ее пойметъ и оцѣнитъ по-достоинству; но приведу, по крайней мѣрѣ, одно соображеніе: что наука и вообще знаніе, коль-скоро онѣ будутъ сообщаться на одномъ какомъ бы то ни было привилегированномъ языкѣ, не достигнутъ своей образовательной и воспитательной цѣли, потому что найдутся тысячи непонимающихъ того языка, на которомъ онѣ сообщаются. Это можно уже видѣть и въ томъ, какъ трудно бываетъ учить малороссійскихъ мальчиковъ грамотѣ по в.-русскимъ, или церковно-славянскимъ, учебникамъ. Этого не понимаютъ—или не хотятъ понять, Богъ ихъ знаетъ,—наши учителя; нерѣдко они угощаютъ своихъ *на-рахвіялихъ* проповѣдями, которыя трудно бываетъ понять даже и учившемуся уже сколько-нибудь. Крестьянинъ, выслушавъ подобную про-

повѣдь, обыкновенно возвращается къ себѣ домой безъ малѣйшаго назидація, и сядя за столъ, читаетъ »*Оче нашиѣ*«, попрежнему, т. е. съ прибавкою въ концѣ: »избави насъ отъ лукаваго *твоего святого*, и при крестномъ знаменіи, произноситъ слова: *мнявца* (вмѣсто *во имя Отца*; сколько я ни слышалъ вездѣ такъ произносятъ неграмотные) и т. п.

Въ Житомирѣ же, я слышалъ и такія сужденія:—мало того,—что недѣлю дѣлають издатели «Основы», заботясь о развитіи украинскаго языка и объ изученіи южнорусскаго народнаго быта,—но еще и *противозаконно*. На какомъ основаніи—это труднѣе понять, нежели первое... Жаль, что существуютъ еще такія узкія понятія; они вредятъ народному образованію, и почти всегда указываютъ въ подобныхъ проповѣдникахъ шляхетскія тенденціи, или чисто-формальный, чиновническій, бездушный взглядъ на жизнь, науку и—на законность.

При такомъ взглядѣ на вещи не мудрено, что воспитаніе и образованіе поповичей и поповенъ идетъ въ разладъ съ жизнію народною; имъ, какъ иноплеменикамъ, чужды и радость и горе крестьянъ, имъ чужды крестьянскіе интересы, имъ неизвѣстны нужды и потребности народа.

Извѣстно, что прихожане жертвуютъ деньги въ церковь. Эта жертва тѣмъ больше соответствуетъ цѣли, чѣмъ лучше распорядятся пожертвованными деньгами. Каждый жертвователь, конечно, предполагаетъ, что эти деньги пойдутъ на удовлетвореніе его нравственныхъ нуждъ. Поэтому, общество, которое созидаетъ и поддерживаетъ храмъ—какъ мнѣ кажется, имѣетъ право желать, чтобы на пожертвованныя деньги удовлетворялась существеннѣйшая, настоятельнѣйшая, въ настоящее время, нужда края—образованіе—вопервыхъ пастырей, а во вторыхъ—народа. Пусть стѣны храма будутъ просты, пусть иконы остаются безъ золотыхъ и серебряныхъ украшеній, пусть священныя одежды будутъ только приличны, но небогаты, лишь бы, зато, просвѣщенныя души вѣрныхъ, представлять Богу жертву, которая будетъ дороже всякихъ драгоценныхъ камней. Правда, не всѣ церкви равно богаты; есть очень много церквей бѣдныхъ, но за то есть много и такихъ, которыя могли бы подѣлиться своимъ имуществомъ съ бѣднѣйшими. Если иногда имущества церковныя употреблялись на военныя издержки—и это считалось дѣломъ законнымъ и святымъ, то несравненно большей похвалы должно бы заслуживать употребленіе его на

народное образованіе. Въ этомъ, съ которой стороны ни глядите, не было бы ничего противузаконнаго и заслуживающаго укоризны. Апостолъ Павелъ сказалъ: «служащіе алтарю, съ алтаремъ дѣлятся»; священникъ, по согласію съ прихожанами и, въ-особенности, съ братчиками, можетъ употреблять церковныя деньги для образованія въ школахъ своихъ дѣтей, и для устроенія, при недостаточныхъ средствахъ прихожанъ, народныхъ училищъ.

Необходимость народнаго образованія на Волыни видна, а изъ того, что, при различныхъ неблагопріятныхъ столкновеніяхъ съ не всегда благонамѣренными сосѣдами, волынскіе хлѣбороби измѣнялись во многомъ вовсе не къ лучшему, заимствовали много чужаго, нисколько несоотвѣтствующаго ихъ народной жизни. Этого нельзя не замѣтить на каждомъ шагѣ. Вотъ дѣвчата поютъ пѣсни; но что это за пѣсни? Правда, это тѣ самыя пѣсни, которыя пѣлись когда-то давно, давно, во дни народной славы, но... вслушайтесь: какъ онѣ исковерканы разными вставками, напоминающими крѣпостныя отношенія... Не рѣдко въ этихъ пѣсняхъ встрѣчаются польскія слова, а иногда и цѣлыя пѣсни переиначены на польскій ладъ, — *uslachełniono*; а между тѣмъ, отъ нихъ вѣетъ какою то невыразимою и невыносимою грустью... Да, горька, вѣрно, доля народа, когда онъ не въ силахъ не только развиваться, но и удержать въ цѣлости и чистотѣ то, что завѣщали ему его предки!

Сколько я помню, 9 лѣтъ тому назадъ, школы при церквяхъ на Волыни считались рѣдкостью; теперь при каждой почти церкви есть нѣсколько учениковъ, которыхъ обучаютъ рѣдко священники, а большею частію дьячки; но какъ обучаютъ? Такъ, какъ обучалъ Кутейкинъ Митрофанушку. Учитель читалъ: *блаженъ мужъ*... Ученикъ за нимъ повторялъ: *блаженъ мужъ*... *Иже не иде*, продолжалъ учитель; *иже не иде*, повторялъ ученикъ; показывая вовсе не на *иже не иде*, а на какихъ нибудь — *нечестивыхъ*. Вотъ какое ученье! И такимъ манеромъ, бѣдный мальчикъ учится 4, 5 лѣтъ и читаетъ изъ-рукъ-вонъ плохо. «Сколько ты лѣтъ учишься?» спросилъ я въ одномъ селѣ мальчика, читавшаго что-то въ церкви. «5 лѣтъ», отвѣтилъ онъ, а между тѣмъ ни одного слова правильно не прочиталъ! Ученье это тѣмъ и ограничивается, по большей части, что мальчикъ кое-какъ научится читать часословъ, псалтирь и-то за дьячкомъ въ церкви, а иногда и писать, пополамъ съ грѣхомъ, и только. Въ селахъ, гдѣ живутъ государственные крестьяне, школы устроены на счетъ правительства и

опредѣлено даже жалованье учителямъ,—впрочемъ, и тамъ наука не очень-то процвѣтаетъ... Да, плохо у насъ дѣла дѣлаются...

И день идѣ, и нічъ идѣ
И, голову схопівши въ рѹки,
Дивѹесся, чомѹ не йдѣ
Апостоль прѣвди и наѹки..—

И справді, чому не йде?...

На Волини, при православныхъ церквахъ, есть много пустыхъ зданій, принадлежащихъ этимъ церквамъ, которыя или были когда-то жилищами латинскихъ монаховъ, или занимались какими-нибудь польскими школами. Одно такое зданіе находится въ Кременцѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде былъ Базиліанскій монастырь. Носился слухъ, будто въ этомъ зданіи хотѣли устроить училище для дѣвицъ духовнаго званія. Это было бы прекрасное дѣло, тѣмъ болѣе, что на Волини нѣтъ такого училища, а житомирскій пансіонъ для благородныхъ дѣвицъ не для всѣхъ доступенъ, и приходится ограничиваться образованіемъ, сообщаемымъ доморощенными гувернантками-шляхтянками. Потребность училища для дѣвицъ духовнаго званія уже чувствуется здѣсь священниками, и каждый изъ нихъ, вѣроятно, не отказался бы пожертвовать какою-либо частью изъ своего жалованья на устройство его.

Еще есть зданіе пустое въ м. Вишневцѣ, Кременецкаго уѣзда. Писано было въ газетахъ, что графъ Плятеръ, при согласіи и содѣйствіи другихъ помѣщиковъ, хотѣлъ устроить тамъ гимназію; но едва-ли это благородное дѣло состоится. Носятся слухи не совсѣмъ благопріятные на этотъ счетъ. Странно! У насъ ни одно дѣло не обходится безъ какихъ-нибудь, независящихъ отъ насъ, обстоятельствъ.

Видѣлъ я еще одно зданіе въ Староконстантиновѣ; въ немъ живетъ соборный причтъ. Вы не можете себѣ представить, до какой степени запущено это зданіе. Вокругъ него навалены кучи навоза; во второмъ этажѣ вездѣ пробиты стѣны и въ одномъ изъ сдѣланныхъ такимъ образомъ отверстій поставлена деревянная лѣстница; и по этой лѣстницѣ прямо со двора, во второй этажъ, ходятъ и люди, и собаки, и свиньи; на корридорѣ грязь, въ комнатахъ—тоже. Недоумѣваешь, отчего это у насъ все вездѣ валится? На чтó лучше кременецкаго зданія, которое теперь занимаетъ бурса; и оно, несмотря на свою прочность, приходитъ въ упадокъ. Особенно жаль прекраснаго ботаниче-

екаго сада при этомъ зданіи; у хорошаго хозяина онъ приносилъ бы огромный доходъ, а теперешніе владѣльцы сада, прогуливаясь въ немъ, только разсуждаютъ: «а что, если бы этотъ садъ росъ на *Бонь* (гора въ Кременцѣ, съ развалинами древняго замка королевы Боны): тогда бы, вѣроятно, онъ не былъ такъ хорошъ!..

Осдоръ Пелѣста.

21 сентября 1862.